

「脱共産主義諸国のリージョン・サブリージョン政治」研究報告輯
Occasional Papers on Regional/Subregional Politics in Post-Communist Countries
No. 7

Пространственные факторы в формировании партийных систем

—Диалог американоведов и постсоветологов—

科学研究費補助金・基盤研究B・一般2（国）
（平成11-13年度、課題番号1169060）
「脱共産主義諸国におけるリージョン及びサブリージョン政治」

研究成果報告書第7号

SLAVIC RESEARCH CENTER
HOKKAIDO UNIVERSITY
FEBRUARY 2002, SAPPORO

北海道大学
スラブ研究センター
札幌 2002年2月

Пространственные факторы в формировании партийных систем

— Диалог американистов и постсоветологов —

基盤B (国) 研究報告輯7

First Published 2002
Copyright 2002 by the Slavic Research Center, Hokkaido University
Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809, Japan
All Rights Reserved

Редактор
К. Мацузато

Пространственные факторы
в формировании партийных систем
– Диалог американистов и постсоветологов –

Пространственные факторы в формировании партийных систем :
диалог американистов и постсоветологов
/ [редактор К. Мацузато]
Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2002
p. ; 21 cm (Occasional papers on regional/subregional politics in post-
communist countries; no. 7)
ISBN 4-938637-27-8
I. Matsuzato, Kimitaka, 1960-
1. Ukraine – Politics and government – 1991-
2. Political parties – Ukraine

Printed in Russia

**Пространственные факторы
в формировании партийных систем
– Диалог американистов и постсоветологов –**

под редакцией
К. Мацузато

Саппоро 2002

Occasional Papers on Regional/Subregional Politics in Post-Communist Countries No. 7

発行者：村上隆

Пространственные факторы в формировании партийных систем

– Диалог американистов и постсоветологов –

発行日 2002年2月

札幌市北区北9条西7丁目 北海道大学スラブ研究センター

TEL (0)11-706-2388 FAX (0)11-706-4952

ВВЕДЕНИЕ

*Кимитака Мацузато,
доктор юридических наук,
профессор Центра
славянских исследований
университета Хоккайдо (г. Саппоро)*

Настоящий сборник основан на материалах, распространенных к сессии «Межправительственные отношения и формирование партийных систем: Пространственные факторы в посткоммунистической политике» (21 октября 2000 г.), которая была частью ежегодной конференции Японского общества исследователей России и Восточной Европы, состоявшейся 20-21 октября 2000 г. в Университете Канагава. Сессия была организована для презентации результатов исследовательского проекта «Региональная и субрегиональная политика в посткоммунистических странах» (апрель 1999 – март 2002 гг.), который финансирует Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии.

Языками сессии были английский, русский и японский, однако докладчики решили перевести материалы для публикации на русский язык. Почему?

Политическая регионология России очевидно находится в критической точке, когда требуется переход от количественного к качественному развитию. Отрадно, что бум в российской регионологии по-видимому прошел. Теперь следует издавать только те работы, которые имеют методологическую и теоретическую новизну. «Специалисты», которые не видят разницы между научным трудом и комментарием региональных новостей, постепенно уходят из этой области. С учетом мате-

риальных трудностей и языкового барьера, от которых страдают российские коллеги, мы решили издать этот сборник на русском языке. Тем более, что упомянутый переход от количества к качеству должны совершить в первую очередь российские коллеги.

Для украинских коллег, которые недавно начали осознавать целесообразность региональных исследований для понимания общеукраинского политического процесса, имеет смысл накапливать хотя бы факты без теоретической обработки. Однако, рискну сказать, что украинским коллегам не следует, да это и невозможно, проходить количественную стадию развития регионологии, подобно российским исследователям во второй половине 1990-х годов. Это невозможно, поскольку западные инвесторы вряд ли будут вкладывать такую сумму денег, которую они потратили на разные виды так называемого мониторинга российских регионов, на исследование украинских регионов. Если «младшие братья» видят, что «старшие братья» страдают от методологической бедности, то почему бы им не стремиться достичь научной высоты, используя уроки последних?

Несмотря на то, что регионология в России и Украине находится на разных этапах развития и регионологи этих стран сталкиваются с разными видами проблем, и тем и другим крайне полезны международные сравнения за рамками посткоммунистического пространства. Вот почему мы пригласили на сессию молодого американиста, преподавателя юридического департамента аспирантуры и докторантуры (Graduate School) Токийского университета Хироси Окаяма. Мы глубоко убеждены в том, что регионологам и постсоветологам целесообразно использовать в своих исследованиях теоретические основы работ специалиста по партийной системе США второй половины 19 в.

Основная идея настоящего сборника заключается в том, что пространственные факторы играют важную роль в формировании партийных систем. В контексте регионологии это антитезис той точки зрения, которая старается объяснить появление официальных партий только внутрирегиональной политической конкурентностью. Кроме того, это попытка найти место региональных политических процессов в общегосударственном процессе. В период количественного развития российской регионологии специалисты волей-неволей пришли к тому, чтобы рассматривать российские региональные режимы как независимые по-

литические режимы. Эта аналитическая уловка была возможна, поскольку федеральные органы власти при Б. Ельцине контролировали государственное строительство на региональном уровне настолько слабо, что даже не сопротивлялись многочисленным явным нарушениям федеральной Конституции в регионах. Эта уловка была нужна и для «строительства компаративистской политологии в одной стране», что на самом деле принесло замечательные плоды¹. Однако, разумеется, попытки «строительства компаративистской политологии в одной стране» неизбежно привели к недооценке регионологами пространственного фактора², поэтому они потеряли рычаги для анализа соотношения регионального политического процесса и общегосударственного. Со стороны всегда виднее. Вот как Х. Окаяма рассматривает российскую регионологию.

«Они (политические регионологи по России. – *К.М.*) могут претендовать на то, что исследуют местное политическое управление в данном субнациональном регионе не только само по себе, но и во взаимосвязи с центральным управлением постольку, поскольку таковое затрагивает регионы. В отношении большинства регионоведов, не ограничивающих свой анализ строго рамками местной политики, само по себе сказанное верно. Однако, за некоторыми исключениями, даже ученые, занимающиеся подобными разработками, испытывают серьезные трудности, когда им необходимо терминологически определить разные уровни политического процесса. Не имея достаточного теоретического обоснования, многие исследователи попросту совмещают два разных уровня политики – связанный с центральным управлением и местный. Даже в тех работах, где такое обоснование имеется, пространственному измерению политики не уделяется должного внимания. Поскольку исследователи обычно ограничиваются анализом одного региона или сопоставлением нескольких регионов, они не справляются с осмыслением систематического воздействия пространственной сегментации на политику общенационального масштаба»³.

¹ См., например: Гельман В. и др. Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000.

² То, что регионологи не учитывают пространственный фактор (!), концептуально противоречиво, но если мы предполагаем, что каждый регион живет сам по себе, то зачем считаться с пространственными факторами?

³ С. 11, 12 настоящего сборника.

Другая особенность настоящего сборника заключается в сравнении России и Украины. Во время количественного развития российской регионологии некоторые специалисты, как мне показалось, старались разработать такую амбициозную схему, с помощью которой будто бы можно проанализировать все 89 регионов России. Однако пора определиться, чего мы хотим? Хотим ли мы основать коммерческую интернетную службу анализа российских регионов или обогатить компаративистскую политологию своим исследованием регионов? Если речь идет о первом, то на самом деле следует охватить 89 регионов. Если мы стремимся ко второму, то было бы гораздо более целесообразным выбрать по два региона из России, Украины, Кыргызстана и даже Литвы и произвести их основательное сравнение. Попытка охватить 89 регионов России неизбежно сопровождается массой неточностей¹. Более того, те, кто изучают только Россию, как правило, очень плохо ее знают, поскольку даже элементарный анализ невозможен без сравнения.

Я надеюсь, что настоящий сборник послужит толчком к сотрудничеству российских, украинских, белорусских, центрально-азиатских и прибалтийских политологов. Использование опыта российской регионологии применительно к странам как минимум СНГ, а желательно ко всем бывшим соцстранам, несомненно откроет новую эпоху в регионологии.

Декабрь 2001 г. Саппоро

¹ В книге «Россия регионов...» нередко встречаются упоминания о регионах или даже бывших союзных республиках, которые не были предметом исследования. Почему авторы не остановились на выводах, сделанных на основе исследования регионов, которые они хорошо знают? Эта осторожность только повысила бы достоверность книги. Мне кажется, что даже авторы этого весомого труда не смогли отказаться от амбиций охватить сразу 89 регионов.

**ГЛАВА 1. ПРЕОДОЛЕВАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНО-МЕСТНОЙ ДИХОТОМИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ
В МЕЖПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ¹**

*Хироси Окаяма,
доктор, преподаватель
юридического департамента
аспирантуры и докторантуры
Токийского университета*

Введение

В сегодняшнем мире большинство стран разделены на две или более территориальные единицы, называемые по-разному – штаты, провинции, области и префектуры. Независимо от того, является ли конституционное устройство страны унитарным или федеративным, этим единицам соответствуют и управляют ими местные, или нецентральные, органы власти. Очевидно, что сегментация политического пространства, вызванная наличием таких субнациональных единиц и связанного с ними управления, осложняет политическую жизнь этих стран. Однако для систематического исследования функционирования такой

¹ Предыдущий вариант этой статьи был представлен на секции ежегодной конференции Японской ассоциации российских и восточно-европейских исследований, состоявшейся в октябре 2000 г. в университете Канагавы (Япония). Автор хотел бы поблагодарить участников секции профессоров Арбахана Магомедова, Кимитаку Мацузато и Нобуаки Сиокаву за комментарии к материалу.

сегментированной внутренней политики и ее политических последствий было предпринято на удивление мало усилий.

То же самое, по-видимому, происходит и с исследованиями процессов демократизации в постсоветских странах. Основное внимание уделяется состязательной партийной политике, когда акцентируются такие вопросы, как идеологические различия между партиями, мера их организационного развития и степень их идентификации в среде электората. Исследователи этой предметной области недостаточно учитывают сегментацию политики в стране, обусловленную наличием различных институтов – формальных и неформальных. В итоге партийная политика изображается так, словно она разворачивается на несегментированной арене, где сражаются политические партии, каждая из которых представляет собой единого актора¹.

В этом эссе я попытаюсь рассмотреть данную ситуацию с помощью аналитического подхода, который я называю межполитическими отношениями. Этот подход предполагает двухмерную модель внутренней политики и ставит под вопрос традиционную модель – одномерную и дуалистическую в том смысле, который я поясню ниже. Названный подход применим к внутренней политике в целом и особенно плодотворен, на мой взгляд, в отношении обществ постсоветского типа, где сегодня происходит становление новых режимов.

Статья состоит из трех частей. В первой я продемонстрирую недостатки традиционной модели внутренней политики, сначала выявив содержащуюся в ней концептуальную путаницу, а затем проанализировав изучение сегментированной внутренней политики. Во второй части для преодоления этих недостатков будут предложены альтернативная двухмерная интерпретация внутренней политики и построенный на этой основе аналитический каркас, который я называю межполитическими отношениями. В третьей части я продемонстрирую потенциал использования такого каркаса по отношению к постсоветским обществам, основываясь на критическом обзоре работы Питера Ордуша по российскому федерализму, и предложу альтернативный взгляд на предмет, вытекающий из нового подхода.

¹ См.: Miller A.H. et al. Emerging Party Systems in Post-Soviet Societies: Fact or Fiction? // Journal of Politics. № 62 (2000). С. 455-490; Miller A.H., Klobucar Th. F. The Development of Party Identification in Post-Soviet Societies // American Journal of Political Science. № 44 (2000). С. 667-685.

1. Недостатки традиционной модели сегментированной внутренней политики

Так в чем же состоят недостатки традиционной модели внутренней политики? Попросту говоря, проблема связана с тем, что исследователи удовлетворены одномерным постижением сегментации внутриполитической жизни.

Среди специалистов по политическим наукам данный вопрос принято обсуждать в терминах национальных (общегосударственных) – местных отношений и отношений центр – периферия с использованием таких понятий, как «общенациональная политика» и «местная политика»¹. Значение этих понятий обычно принимается как данность, поэтому попытки их определения редки, если вообще имеют место. Однако, на мой взгляд, такому пониманию внутренней политики присущ серьезный изъян, что привело к концептуальной путанице в этом предмете и сегодня ее усугубляет.

Взять, к примеру, термин «местная политика». Его значение, с одной стороны, может показаться аксиоматичным. Но, с другой стороны, это словосочетание может быть использовано и используется в следующих двух значениях: как «политика, осуществляемая в пределах данной субнациональной территории», и как «политический процесс в смысле субнационального управления»². Эти дефиниции, между которыми существует частичное взаимное наложение на эмпирическом уровне, вовсе не тождественны. Например, на данной территории происходят политические процессы, связанные не только с субнациональным, но также и с общенациональным управлением (таковы, к примеру, выборы представителей местных округов в общегосударственные законодательные органы).

Дело в том, что приведенные значения существуют в различных измерениях. Если первое связано с *пространственным*, или территориальным, аспектом политики, то второе относится к *уровню управления*.

¹ Чтобы избежать усложнения, здесь мы предполагаем наличие только двух уровней управления (общегосударственного и местного), хотя в отдельных странах их часто бывает больше двух.

² В английском оригинале – «subnational government». Не имея русского слова, соответствующего многозначному слову «government», далее мы условно употребляем слово «управление» как один из вариантов его перевода. – прим. К.М.

Другими словами, первый термин характеризует единицу территориальной политической арены, второй – уровень управления. Эти два значения, относящиеся к различным измерениям, – пространственному и политико-управленческому, таким образом, выступают наполнением двух указанных выше терминов.

Вследствие того, что эти два измерения часто путают, эти термины реально используются в следующих двух смыслах. В одних случаях каждый из них употребляется в связи с соответствующим измерением. В других (более многочисленных) случаях оба значения употребляются по отношению и к тому, и к другому измерению, что ведет к сужению объема обоих терминов и сводит их к единственному смыслу. В результате оба словосочетания начинают означать «политику, которая осуществляется в общенациональном/субнациональном масштабе и связана с общенациональным/субнациональным управлением». Парадоксально, что в этом случае возникает не только одномерный, но и *дуалистический* смысл, фактически разделяющий внутреннюю политику на две различные области. Две сферы политики – общенациональная и местная – воспринимаются как полностью разделенные между собой.

Подобное смешивание двух понятийных измерений и возникающий вследствие этого дуалистический образ политики во многом определяют направленность исследований сегментированной политики. Общенациональная и местная ее разновидности обычно изучаются по отдельности, и эта доминирующая исследовательская стратегия, в свою очередь, активно способствует построению дуалистической модели политики. Различные уровни политики, соответствующие различным уровням управления и существующие в рамках различных территориальных единиц, хотя и в пределах одной и той же общегосударственной территории, рассматриваются как не имеющие ничего общего.

Разумеется, не во всех исследованиях внутренняя политика интерпретируется как полностью дуалистическая. Представители различных направлений политической науки в подтверждение собственных аналитических подходов выдвигают два контраргумента в отношении сформулированных выше положений. Я покажу, однако, что ни один из этих контраргументов не является полностью обоснованным.

Первый из них связан с исследованием государственного и муниципального управления. Взаимодействие между различными уровнями

управления изучается уже более полувека в рамках анализа межправительственных отношений (intergovernmental relations, или IGR)¹. Получив развитие преимущественно в США в целях изучения функционирования федеративной системы, это направление в конечном счете превратилось в самостоятельную дисциплину.

С точки зрения нынешних теоретических проблем такой подход, однако, имеет определенные недостатки. Как явствует из самого названия, здесь акцентируются измерение, связанное с управлением, и деятельность исполнительных ветвей власти общенационального и субнационального уровней. В результате в этих исследованиях обычно обсуждаются вопросы бюджета и/или юрисдикции, а достойными внимания в качестве акторов считаются государственные и муниципальные должностные лица.

Подход IGR, иными словами, не только несостоятелен при рассмотрении пространственного измерения политики, но и не способен охватить негосударственный/немуниципальный сектор. Таким образом, его трудно расценивать в качестве эффективного инструмента анализа взаимоотношений между различными измерениями и уровнями внутренней политики в целом. Именно поэтому Даниэл Элазар – многолетний лидер в исследованиях американского федерализма – однажды посоветовал на то, что «обычно используемое исследователями проблем управления определение федерализма сегодня сузило исконное значение термина, фактически сведя его к синониму межправительственных отношений»².

Еще один контраргумент в отношении приведенных положений может возникнуть в связи с изучением местной политики, функционирования постсоветских обществ, а также из уст так называемых регионоведов. Они могут претендовать на то, что исследуют местное политическое управление в данном субнациональном регионе не только само по себе, но и во взаимосвязи с центральным управлением постольку, поскольку таковое затрагивает регионы.

В отношении большинства регионоведов, не ограничивающих свой анализ строго рамками местной политики, само по себе сказанное вер-

¹ Об IGR см.: Wright D.S. Understanding Intergovernmental Relations. Third ed. Pacific Grove, Ca.: Brooks/Cole Publishing Company, 1988.

² Elazer D. Civil War and the Preservation of American Federalism // Publius. № 1 (1971). С. 57.

но. Однако за некоторыми исключениями¹ даже ученые, занимающиеся подобными разработками, испытывают серьезные трудности, когда им необходимо терминологически определить разные уровни политического процесса. Не имея достаточного теоретического обоснования, многие исследователи попросту совмещают два разных уровня политики – связанный с центральным управлением и местный. Даже в тех работах, где такое обоснование имеется, пространственному измерению политики не уделяется должного внимания. Поскольку исследователи обычно ограничиваются анализом одного региона или сопоставлением нескольких регионов, они не справляются с осмыслением систематического воздействия пространственной сегментации на политику общенационального масштаба².

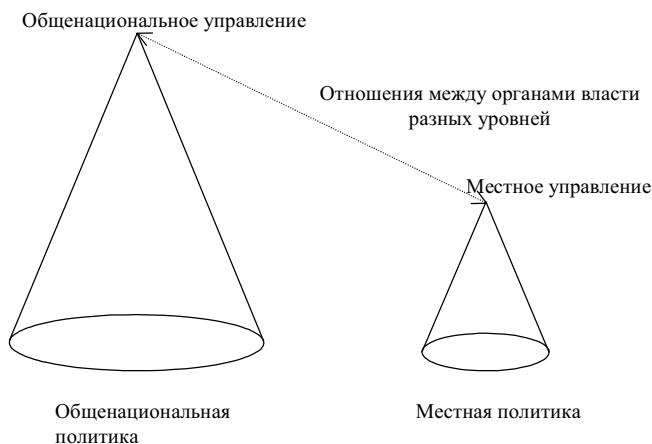

Рис. 1. Традиционное дихотомичное представление внутренней политики

¹ См.: Matsuzato K. Progressive North, Conservative South? Reading the Regional Elite as a Key to Russian Electoral Puzzles // Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World / Ed. by K. Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2000. С. 143-176.

² См.: Gel'man V. Regime Transition, Uncertainty and Prospects for Democratisation: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective // Europe-Asia Studies. № 51 (1999). С. 939-956; Solnic St. L. Gubernatorial Elections in Russia, 1996-1997 // Post-Soviet Affairs. № 14 (1998). С. 48-80.

Таким образом, в настоящее время, по-видимому, нет аналитических структур, которые могли бы успешно классифицировать два измерения внутренней политики. Рисунок 1 дает представление о традиционной модели сегментированной внутренней политики. Основание каждого конуса обозначает территориальную (пространственную) единицу, где разворачивается политический процесс, а его вершина символизирует властные органы, соответствующие этой единице и связывающие внутреннюю часть конуса – политический процесс (политическое пространство) с управлением, которое распространяется на территориальную единицу. В этой модели национальная и местная политика относятся к разным сферам, которые неправомерно объединяются в IGR из-за концептуального смещения двух названных политических измерений.

2. Межполитические отношения: два измерения, две автономии

Как явствует из сказанного выше, для преодоления недостатков традиционной модели сегментированной политики необходимо сделать следующее. Во-первых, каждое из двух оказавшихся смешанными измерений – пространственное и политико-управленческое – должно быть выделено в качестве самостоятельного. Во-вторых, исследования сегментированной политики должны быть направлены на то, чтобы в них находили отражение не только органы власти, но и политический процесс в целом, включая таких «недолжностных» его акторов, как политические партии, группы интересов и обычные граждане. Для решения этих двух задач я предлагаю аналитический подход, основанный на полученных данных.

Для начала выделим различные уровни политики для каждого из двух измерений – пространственного и политико-управленческого, чтобы провести различие между ними. Что касается пространственного измерения, то внутренняя политика может быть классифицирована в соответствии с размерами территориальной единицы. Политика, охватывающая нацию в целом как общую единицу, будет в дальнейшем называться общенациональной, тогда как политика, осуществляемая в пределах конкретной субнациональной территориальной общности, –

политикой субнационального масштаба. Применительно к политико-управленческому измерению политика, относящаяся к управлению в общенациональных масштабах, будет обозначена как политика общенационального *уровня*, а политика, связанная с субнациональным управлением, – как политика субнационального *уровня*. В этом смысле политика регионального территориального масштаба должна состоять из политики национального уровня и политики субнационального уровня¹.

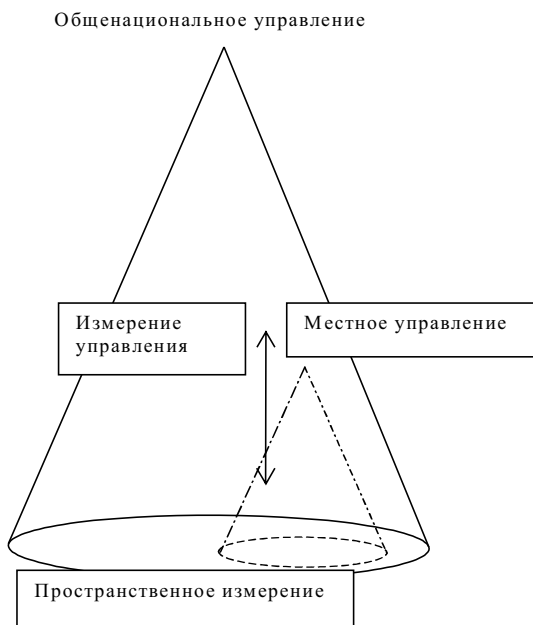

Рис. 2. Представление межполитических отношений в двух измерениях

Следовательно, политика в пределах всей нации будет рассматриваться как комплекс, состоящий из различных уровней, взаимодействующих друг с другом в двух пересекающихся измерениях. Так как этот

¹ В дальнейшем термины «национальный», «региональный» и «субнациональный» могут быть заменены на реальные названия уровней управления или территориальных единиц – такие, как политика федерального уровня.

комплекс включает отношения между различными измерениями и уровнями политики, я буду пользоваться понятием «межполитические отношения» (interpolitical relations, или IPR). Подобно тому, как в настоящее время под межправительственными отношениями предлагается понимать взаимодействие между различными уровнями правления, так и понятие межполитических отношений можно применять в более широком и систематическом контексте. Рисунок 2 представляет политическую модель IPR в двух измерениях. В противоположность рис. 1, отражающему традиционную, дуалистическую модель внутренней политики, здесь мы видим, что различные уровни политического процесса не просто тесно связаны между собой, но взаимно пересекаются в обоих измерениях.

В отличие от традиционной модели внутренней политики, предполагающей разделение политического процесса между различными уровнями и измерениями, с позиции IPR допускается и принимается в качестве условия их сопряженность и взаимодействие. В результате целостный политический феномен будет рассматриваться с различных точек зрения в двух измерениях. Кроме того, всегда бывает непросто определить грань между различными уровнями политического процесса. Хорошим примером может служить процесс внесения поправок в Конституцию США, предполагающий как предложения со стороны Конгресса, так и их ратификацию штатами. С одной стороны, благодаря участию как федерального уровня управления, так и управления на уровне штатов достигается их соединение в политико-управленческом измерении. С другой стороны, поскольку ратификация штатами имеет явный общенациональный эффект, то здесь неизбежно более или менее ощутимое влияние извне, что выражается в конечном итоге во взаимодействии политических процессов общенационального масштаба и в масштабе штата.

Подобные трудности при дифференциации различных уровней политического процесса в двух измерениях могут привести к заключению о том, что IPR – подход, имеющий низкую значимость. Однако, как следует из приведенного выше примера, само по себе соединение различных уровней политического процесса не является чем-то необычным и не обусловлено введением IPR. Действительно проблематично как раз то, что факт этого соединения в исследованиях сегментирован-

ной политики в значительной мере остается незамеченным из-за преобладания дуалистической модели внутренней политики. Подход IPR, таким образом, перспективен не только в поисках меры соединения различных уровней политического процесса, но также и для анализа характера этого соединения, поскольку помогает избежать путаницы, внутренне присущей природе многоуровневой внутренней политики.

Чтобы достигнуть этих целей, нужно дать ответ на следующие два вопроса, приложив IPR к реальному миру. Во-первых, что отличает совокупность межполитических отношений (в конкретной стране и в данный момент) от других? Иными словами, каковы характеристики межполитических отношений? Во-вторых, требуется найти тот элемент политики, на котором будет сфокусировано наше внимание, и определить состояние межполитических отношений.

Традиционная, чаще всего используемая характеристика состояния сегментированной политики – это степень централизации, или сила централизованного управления. Критерием в этом случае выступает степень концентрации политических ресурсов в руках центрального правительства – финансовых, юридических, властных полномочий. Такая характеристика и ее критерий, однако, неприменимы к анализу межполитических отношений, поскольку они не только являются одномерными, но также охватывают преимущественно публичный сектор, т.е. государственное и муниципальное управление, оставляя вне поля зрения непубличный сектор, а именно само общество.

В качестве мерил межполитических отношений применительно к каждому политическому измерению я намерен использовать вместо термина «централизация» понятие *степени автономии* политических процессов низкого уровня по отношению к их аналогам более высокого уровня. Такой подход позволяет определить применительно к каждому измерению, каким образом политические процессы низкого уровня развиваются вне влияния или доминирования своих аналогов более высокого уровня. Аргументом в пользу выбора в качестве критерия автономии, а не интеграции, служит то, что нас в данном случае интересуют политические последствия институциональной *сегментации* в пределах политического сообщества. Поэтому наш подход должен отличаться от многих исследований, где основное внимание уделяется публичным (государственным и муниципальным) секторам и акцентируется преж-

де всего степень влияния центральной власти на региональные политические процессы¹.

Если мы обозначим две вертикальные пересекающиеся оси, каждая из которых соответствует степени автономии политического процесса нижестоящего уровня применительно к данному измерению, то получим двухмерную диаграмму. Далее, она может быть интерпретирована как двойная двоичная матрица, каждый из квадрантов которой представляет определенный тип межполитических отношений (рисунок 3). Таким образом, мы имеем теперь четыре типа межполитических отношений – по одному на каждую ячейку матрицы.

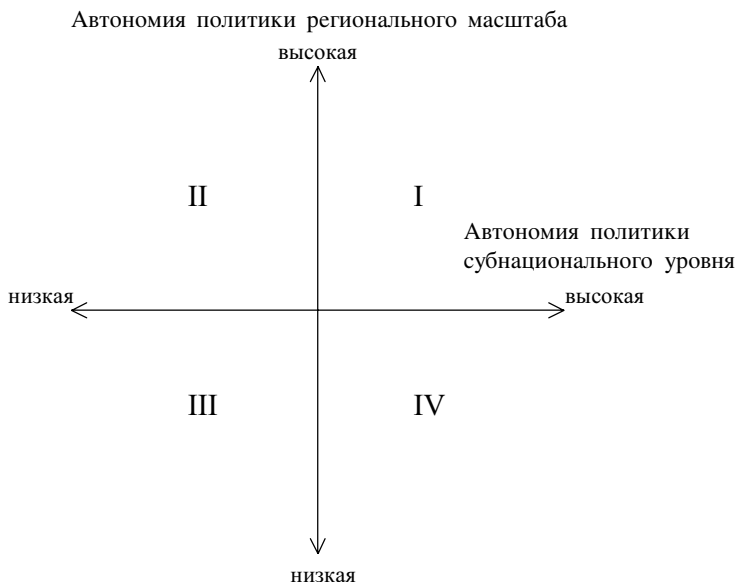

Рис. 3 Четыре типа межполитических отношений

¹ Интересно, что понятие степени автономии используется при изучении политического статуса компактно проживающих этнических меньшинств, т. е. предмета, имеющего непосредственное отношение к данной статье. См., например: Safran W. Spacial and Functional Dimensions of Autonomy: Cross-national and Theoretical Perspectives; Identity and Territorial Autonomy in Plural Societies / Ed. by Safran W., Maiz R. London: Frank Cass, 2000.

Для того чтобы определить, к какой ячейке матрицы относится конкретная совокупность межполитических отношений (IPR), нам следует сосредоточиться на определенном элементе (элементах) политики. Поскольку IPR охватывают всю сферу политики, потенциальных претендентов на роль таких элементов бесчисленное множество. В данном случае я остановлюсь на двух *системах*, выполняющих жизненно важные функции организации и поддержки конституционной демократии. Первая – конституционная система, основанная на конституции нации, формально закрепляющей институциональную базу общенациональной политики. Нас здесь скорее интересует то, как политические процессы различных уровней управления формально связаны (или не связаны) между собой, чем разделение полномочий между различными уровнями власти – то, что исследуется с позиции IGR¹. Особый интерес представляет действие конституционных норм, предполагающее взаимодействие двух уровней политики в целях обеспечения единого результата.

То, как в действительности разворачивается политический процесс, зависит, однако, от политических акторов. Поэтому необходимо рассмотреть функционирование партийной системы. Среди разнообразных политических акторов – таких, как группы интересов и правящие элиты – особое внимание должно быть уделено политическим партиям, поскольку в современных демократиях они выполняют конституционные или учредительные функции. По словам Теодора Лови, в демократических обществах политические партии *«институционализируют и канализируют конфликты по поводу контроля над режимами»* (выделено мной. – Х.О.)². Изучая роль политических партий, мы также можем пролить свет на электоральные и законотворческие процессы, а они в значительной степени упускаются из виду в рамках подхода IGR, исследующего в первую очередь функционирование исполнительной власти. Посредством анализа организационных структур и деятельности партий необходимо определить, каким образом они наводят мосты между различными политическими уровнями или разделяют их применительно к двум

¹ Стоит отметить, что степень автономии политического процесса более низкого уровня с точки зрения IPR не связана напрямую с относительной «силой» правительств. По крайней мере теоретически политический процесс на уровне местного управления может все же быть автономным, даже если юрисдикция данного местного органа невелика.

² Lowi Th. J. Party, Policy and Constitution in America // The American Party Systems: Stage of Political Development / Ed. by Chambers W., Burnham W. New York: Oxford University Press, 1967. С. 239.

политическим измерениям. Другие акторы будут братья в расчет постольку, постольку они входят в политические контакты с партиями.

Итак, теперь очевидно, что исследовательская стратегия IPR действительно отличается от традиционного понимания сегментированной внутренней политики. Этим отличиям и посвящена следующая часть.

3. Теоретическая модель межполитических отношений на примере российской федеративной системы

Одно из главных достоинств подхода IPR состоит в том, что он позволяет идентифицировать и анализировать многообразные структуры сегментированной внутренней политики, другими словами, межполитические отношения, включая те, что до сих пор игнорировались или оставались незамеченными в рамках традиционного одномерного и дуалистического подходов.

Однако очень трудно определить, какой тип межполитических отношений в настоящее время представлен в постсоветских обществах, поскольку обе системы, детерминирующие характер межполитических отношений, в этих обществах пока нестабильны. Это особенно верно в случае с партийной системой. Роберт Мозер, к примеру, объясняет результаты российских выборов – неожиданные с точки зрения существующих электоральных теорий – отсутствием институционализированной партийной системы. Кимитака Мацузато тоже описывает партийную политику в некоторых регионах Украины как «естественное состояние» в гоббсовском смысле¹. В этих странах, по-видимому, формируются совершенно новые комбинации межполитических отношений.

В дополнение следует отметить, что не существует единого, универсального стандарта для определения меры автономии политики тех двух видов, которые мы здесь обсуждаем. Различия между четырьмя отмеченными выше ячейками, таким образом, относительно, и каждая совокупность межполитических отношений может в принципе соответствовать различным частям матрицы в зависимости от того, с какими

¹ Moser R. Unexpected Outcomes: Electoral Systems, Political Parties and Representation in Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001; Matsuzato K. Elites and the Party System of Zakarpattia Oblast: Relations among Levels of Party Systems in Ukraine / Paper presented at the VI ICCEES World Congress. Tampere, Finland, 29 July – 3 August 2000.

другими совокупностями они сопоставляются. Мы должны строго воздерживаться от поверхностного, основанного на впечатлениях сравнения различных видов межполитических отношений.

В данной части я остановлюсь на примере России и рассмотрю суждения Питера Ордешука, касающиеся жизненности российской системы федерализма в связи с институционализацией партийной системы. Так можно будет проследить, каким образом две системы образуют в России каркас межполитических отношений, и одновременно показать преимущества подхода IPR.

В своем исследовании Ордешук стремится найти пути стабилизации федеративной системы в демократической России. Отметив, что модель жесткого разделения уровней управления допускает антагонистические отношения между центром и субъектами федерации, он предлагает прибегнуть к понятию стирания различий между уровнями управления. С его точки зрения, это один из существенных факторов, способствующих интеграции федерации и стабилизации федеративной системы¹.

Интересно то, что Ордешук, имея в виду достижение интегрированной федерации, учитывает не только государственные и муниципальные институты и акторов, но также общественные. Отталкиваясь от примера США, Германии и Канады, он делает акцент на роли политических партий, действующих в масштабах федерации, независимо от уровня правления. Он показывает, что деятельность политических партий наряду с изменениями электоральных норм (таких, как проведение выборов в органы власти разного уровня в один и тот же день) способствует стиранию грани между различными уровнями управления. В заключительной части исследования он дает рекомендации, нацеленные на изменение электоральных норм и способствующие возникновению и функционированию таких общенациональных партий².

По сравнению с традиционной моделью сегментированной политики подход Ордешука имеет два существенных достоинства. Во-первых, как уже отмечалось, он не просто включает политические партии – наиболее важные элементы негосударственного сектора, но и наделяет их ключевой ролью в процессе интеграции федерации. Во-вторых, он преодолевает дуалистическую модель внутренней политики. В.О. Кей (мл.)

¹ Ordeshook P. Russia's Party System: Is Russian Federalism Viable? // Post-Soviet Affairs. № 12 (1996). P. 198-202.

² Ibid. С. 203-210, 213-215.

считает, что функционируя в масштабах всей страны и на каждом уровне правления, политические партии США действуют как «растворитель федерализма»¹. По-видимому, как полагает Ордешук, политические партии могут сыграть такую же роль в России.

Ядро аргументации Ордешука состоит в том, что отношения симбиоза между региональными и центральными элитами сопровождаются требованиями «региональной и местной автономии организаций политических партий» – этого ключа к политически интегрированной федерации. Именно поэтому он восхищается федерализмом в США и Германии, которые, по его мнению, так или иначе достигли статуса высоко интегрированных, тогда как Канада представляет собой пример нестабильной федерации из-за разделения общегосударственных и местных партийных организаций и наличия региональных политических партий².

Используемое Ордешуком понятие «интеграция» и возникающая в связи с этим модель нестабильной федерации в России порождают, однако, две проблемы. Первая связана с критерием оценки степени интегрированности федерации. Поскольку эта степень есть функция двух переменных и состояния государственно-муниципальных и общественных институтов, сравнение различных федеративных систем является не столь простым делом, как это кажется на первый взгляд. Можно ли с уверенностью заявлять, к примеру, что канадская система федерализма менее интегрирована и, следовательно, менее стабильна, чем ее американский и германский аналоги? Само по себе наличие Квебека не может служить доказательством этого.

Даже если признать правомерным аргумент Ордешука относительно низкого уровня интеграции и стабильности российской федеративной системы, возникает вопрос, насколько эта система должна быть *более* интегрированной, чтобы стать *достаточно* стабильной? Иначе говоря, где грань между интегрированными и стабильными федерациями и теми, что не отвечают этим признакам? Используемое Ордешуком понятие интеграции, будучи определенно полезным по контрасту с дуалистической моделью федерации, представляется тем не менее слишком абстрактным для того, чтобы дать ответ на весьма важные для анализа рассматриваемого предмета вопросы.

¹ Key V.O. Jr. American State Politics: An Introduction. New York: Alfred A. Knopf, 1956. С. 34.

² Ordeshook. P. Russia's Party System... С. 206, 210.

Его ключевое понятие, на мой взгляд, определено чересчур узко. Несмотря на то, что Ордешук принимает в расчет автономный характер политического процесса более низкого уровня в обоих измерениях, изучая «региональную и местную автономию политико-партийных организаций», он некоторым образом ограничивает эти два измерения, развивая понятие интеграции, как это делали многие другие. В результате его подход позволяет идентифицировать лишь два из четырех типов межполитических отношений – высокой и низкой степени интеграции, что соответствует третьему и первому типу в моей типологии. Иначе говоря, два вида автономии должны быть в модели Ордешука одновременно либо высокими, либо низкими, а другие теоретически возможные комбинации игнорируются. Очевидно, что такая одномерность резко ограничивает аналитический кругозор.

С точки зрения двухмерной модели оценка российской и канадской систем федерации может легко измениться. Например, территориальная, или пространственная, автономия, в данном случае ассоциирующаяся с низким уровнем интеграции, часто рассматривается в качестве конструктивного подхода к урегулированию конфликтов¹. Понятие межполитических отношений в этом смысле может внести значительный вклад.

Заключение

В данной статье я попытался показать ограниченность одномерного понимания сегментированной внутренней политики и предложил двухмерную аналитическую модель, включающую межполитические отношения. В ходе этого я акцентировал важность исследования общественного сектора для изучения внутренней политики в целом.

Теоретические преимущества сами по себе, однако, не гарантируют успешность такого подхода. Предложенная модель нуждается еще во многих усовершенствованиях, прежде всего в разработке стандартов сравнительного анализа разных вариантов межполитических отношений в одной стране и в различных странах. Эта работа, безусловно, стоит того, чтобы затратить на нее некоторые усилия.

¹ Matsuzato K. Elites and the Party System...; Rothchild D., Hartzell C. Security in Deeply Divided Societies: The role of Territorial Autonomy // Identity and Territorial Autonomy in Plural Societies. С. 254-271.

**ГЛАВА 2. МЕЖПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ
СИСТЕМ В НОВЕЙШЕЙ РОССИИ¹**

*Магомедов Арбахан,
доктор политических наук,
профессор, заведующий
кафедрой истории Ульяновского
государственного технического
университета*

Введение

Один из авторов этого сборника американист Хироси Окаяма предложил использовать вместо узко юридического термина «отношения между органами власти» (intergovernmental relations) более широкое понятие «межполитические отношения» (interpolitical relations), охватывающее не только отношения между органами власти, но и соотношение политической жизни разных уровней (см. гл.1). Другой автор этого сборника, Кимитака Мацузато, критикуя существующие исследования, односторонне рассматривающие конкурентность региональной

¹ Первоначальный вариант статьи был представлен в качестве доклада на ежегодной конференции Японской ассоциации российских и восточноевропейских исследований, которая состоялась 21-22 октября в Университете Канагавы (Япония). Автор выражает благодарность профессорам Кимитакэ Мацузато, Нобуаки Сиокаве и доктору Хироси Окаяме за ценные замечания и комментарии к ранним версиям работы. Автор также признателен краснодарскому исследователю Михаилу Кириченко за предоставленные материалы и информацию.

политики как причину развития официальных партий¹, отмечает, что политическая партия может сформироваться даже при полном доминировании одного клана в регионе, потому что лидеры этого клана хотят участвовать в политике более высокого уровня (региональные руководители – в политике федерального масштаба, а мэры региональных столиц – в политике регионального масштаба)². Вот почему Ю. Лужков и М. Шаймиев организовали партии «Отечество» и «Вся Россия», несмотря на то, что они абсолютно не нуждались в официальных партиях для того, чтобы руководить своими регионами. Таким образом, партии могут возникнуть даже при полном отсутствии конкуренции в данной политической единице.

В подобном контексте можно предположить, что нетипичное для России политическое развитие³ Краснодарского края с его «партией одного лидера» – кубанским движением «Отечество» Николая Кондратенко – было обусловлено специфическим отношением кубанской элиты к федеральному центру. Подобно лазаренковской «Громаде» в Днепропетровской области, после победы Н. Кондратенко на губернаторских выборах 1996 г. «Отечество» функционировало в качестве орудия отпора политике, проводимой федеральным правительством позднего Б. Ельцина. Политика губернатора Ульяновской области Ю. Горячева в первой половине 90-х годов имела общие черты с той, что проводил Н. Кондратенко в 1996-1999 гг.: он критиковал центр за осуществление «шоковой терапии» и предложил альтернативную стратегию «мягкого вхождения в рынок» в региональном масштабе. Однако в целом в РФ в первой половине 90-х годов еще не были определены правила игры между центром и регионами, даже не было сформировано федератив-

¹ См., например: Vladimir Gel'man and Grigori V. Golosov. Regional Party System Formation in Russia: The Deviant Case of Sverdlovsk Oblast // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1998. Т. 14. № 1, 2.

² Matsuzato K. Elites and the Party System of Zakarpattia Oblast: Relations among Levels of Party Systems in Ukraine / Paper presented at VI World Congress for Central and East European Studies (Tampere, 29 July – 3 August 2000).

³ Мнение о том, что политические партии играют весьма скромную роль в российских регионах, является сегодня общепринятым. См., например: Голосов Г. Губернаторы и партийная политика // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1; Голосов Г. Политические партии на региональном уровне // Политическая социология и современная российская политика / Под ред. Г. Голосова и Е. Мелешкиной. Европейский Университет в Санкт-Петербурге, 2000; Афанасьев М. Политические партии в российских регионах // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 4.

ное устройство России. К тому же, Ю. Горячев, в отличие от Н. Кондратенко, был всегда лоялен к Б. Ельцину в стратегических вопросах, например, во время октябрьских событий 1993 г. и президентских выборов 1996 г. При этом в самой области в первой половине 90-х годов не существовало политической оппозиции губернатору, если не считать карликовых демократических организаций. Упомянутое обстоятельство придает высокой политической автономии Ульяновской области в первой половине 90-х годов характер некой примитивной изоляции от центра, а не напряженных межполитических отношений между центром и регионом, какие были характерны для Краснодара в 1996-2000 гг.

Данное наблюдение открывает весьма интересные исследовательские перспективы. Прежде всего, это позволяет сказать, что процесс формирования межполитических отношений в Краснодарском крае и Ульяновской области был разнонаправленным. После 1995 г. губернатор Ю. Горячев совсем потерял контрреформаторскую инициативу, а Ульяновская область превратилась в серый регион, особо не отличающийся от большинства провинций России. Ю. Горячев предпочел противостоять политической оппозиции внутри региона – набирающей силу областной организации КПРФ не с помощью официальной партии или блока, а используя неформальные ресурсы и связи. Итак, если в первой половине 90-х годов область просто изолировалась от Москвы и в регионе почти не было политической конкуренции, то во второй половине область потеряла политическую автономность. Таким образом, два условия для развития партий (конкуренция внутри региона и активизация межполитических отношений) оказались нереализованными в Ульяновской области.

Цель данной работы – исследование межполитических отношений в российских регионах на примере двух российских провинций: Краснодарского края и Ульяновской области. В центре исследования – характер региональной политической конкуренции и процесс формирования локальных партийных систем. Время действия – период новейшей российской трансформации 90-х годов.

Не останутся без внимания характер и стиль руководства региональных лидеров, прежде всего бывшего губернатора Кубани Н. Кондратенко, чья политическая деятельность представляет собой наиболее яркий пример «локального героизма».

Каждый регион рассматривается отдельно с тем, чтобы лучше обозначить особенности формирования партийных систем в российских провинциях. Однако в силу особенностей географического расположения, а также более драматических обстоятельств исторического, экономического и демографического развития Кубани политический профиль этого региона будет представлен в работе более подробно и структурированно.

1. Краснодарский край: расцвет и упадок «партии одного лидера»

Краснодарский край привлекает заслуженное внимание аналитиков. Различные аспекты экономического и политического развития региона исследованы в работах российских и зарубежных учёных¹. К сожалению, они остались незамеченными широким кругом читателей на фоне целой массы скандальных публикаций в СМИ, посвящённых «феномену Н. Кондратенко». Однако из-за присущей журналистам ангажированности и односторонности восприятия в одних случаях Н. Кондратенко предстал в образе героя земли Русской, в других – фашистом-антисемитом, в третьих – коммунистическим ретроградом, препятствующим развитию рыночных отношений².

Постоянное навязывание подобных мифов привело к тому, что СМИ увязли в бесконечных повторах и интеллектуальной косности, а читатели получали крайне искажённую картину. На самом деле «феномен Н. Кондратенко» гораздо глубже и загадочнее. Это исто-

¹ См.: Магомедов А.К. Краснодарский край в условиях геополитической и локальной конкуренции политических сил // Полис. 1999. № 5; Михайлов Р. Краснодарский край // Россия накануне думских выборов 1999 г. М.: Гэндальф, 1999; Магомедов А.К., Кириченко М.М. Состязательный авторитаризм, или политический режим по-кубански // Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте. М.: МОНФ, 2000; Hanson Ph., Magomedov A., Tatarinov A., Tartakovskaya I., Romanov P. Samara and Krasnodar // Regional Economic Change in Russia / Ed. by Ph. Hanson and M. Bradshaw. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2000.

² См.: Сергиевский С. Легенды и мифы красной Кубани // Независимая газета. 2000. 14 июля; Кравченко Г. Губернатора Кондратенко толкают на борьбу с режимом // Коммерсантъ. 2000. № 179; Панеш С. Батяня Кондрат // Профиль. 2001. 15 января.

рия харизмы, история превращения председателя крайисполкома Николая Игнатовича Кондратенко в «батьку Кондрата», лидера массового кубанского политического движения «Отечество», носящего его имя.

Первым моим шагом будет обращение к пространственным и историко-культурным основам кубанской политической традиции.

1.1. Историко-культурные предпосылки кубанского консерватизма

После распада СССР Краснодарский край превратился в основной южный транспортный коридор России, стал пограничной территорией, «морскими воротами» России на её южных рубежах. Местные порты – Новороссийск, Туапсе, Ейск – остались единственными на юге страны. Они обеспечивают более 40% морского грузооборота государства, что существенно увеличило стратегическое значение края для РФ. Благодаря этим процессам край стал регионом, ощутившим на себе процессы глобализации в очень короткие сроки (реально – в 1998-2001 гг.). Также необходимо отметить, что Краснодарский край относится к числу многополюсных регионов. На его территории есть несколько крупных и экономически сильных центров, прежде всего упомянутые выше порты. Этот фактор определил перипетии кубанской политики – исполнительная власть края имела сильную оппозицию в лице мэров городов – доноров краевого бюджета.

Данные обстоятельства задают совершенно особые аналитические параметры для Краснодарского края. Обстановка «ускоренной модернизации» делает развитие ситуации на Кубани нерепрезентативным для других регионов, даже близких и в целом гомогенных по большинству социально-экономических признаков. Необходимо отметить главную особенность «ускоренной модернизации» края – неравномерность этого процесса. В Краснодарском крае отчетливо прослеживается модернизационный конфликт, возникший из-за исторически сложившегося разделения региона по принципу юго-запад – северо-восток (Черноморское побережье – сельс-

кая глубинка)¹. Конфликт основывается на двух различных типах экономики: аграрной ориентированности Севера и промышленно-транспортно-рекреационной направленности экономики Юга. Эта особенность оказывает сильное влияние на социально-политическую ситуацию в крае.

Мы имеем дело с двумя настолько разными социокультурными средами, что вполне правомерно говорить о двух типах субрегиональной идентичности. Их различия усугублялись и тем, что когда в одной зоне накапливался и реализовывался потенциал модернизации, экономический ресурс, во второй, условно говоря, аккумулировался ресурс политический. Между ними сложилось своеобразное разделение труда: юг был местом притока капиталов и реализации инвестиционных проектов, а север вносил непропорционально высокий вклад в создание вектора политического развития региона.

Диверсифицированная экономика региона способствовала появлению и укреплению нескольких независимых центров власти и, самое главное, *противостоянию аграрной и промышленно-торговой группировок субъектов хозяйствования*². Возникла несколько парадоксальная ситуация: аграрные элиты были максимально представлены в исполнительной власти и имели максимальные возможности лоббирования выгодных для них вариантов бюджетной политики несмотря на то, что доля АПК в региональном валовом продукте края колебалась в последнее десятилетие от 11% в 1988 г. до 17% в 1995 г.³

Электоральное и в целом политическое поведение избирателей обусловлено спецификой населения и экономической географии Краснодарского края. Кубань (историческое название края) – аграрный регион. Доля сельского населения составляет здесь не треть, как в целом по РФ, а приближается к половине всех жителей. В большинстве своём население здесь менее мобильно и более консервативно, чем в мегаполисах, где жизнь протекает гораздо динамичнее.

¹ Это разделение соответствует существовавшему до революции административно-территориальному делению нынешней территории Краснодарского края. Всё Черноморское побережье от Новороссийска до Адлера входило в состав Черноморской губернии, тогда как северо-степная зона являлась территорией Кубанского казачьего войска. Объединение этих двух совершенно разнородных по хозяйственному укладу и этническому составу территорий заложило основу конфликта региональных элит.

² См.: Магомедов А.К. Краснодарский край в условиях геополитической и локальной конкуренции политических сил // Полис. 1995. № 5.

³ Агропромышленный комплекс Кубани. Краснодар, 2000. С. 13.

Для большей части населения Кубани характерен казацко-украинский менталитет. Основой экономики региона во все времена было сельское хозяйство – весьма продуктивное, позволявшее населению поддерживать довольно высокий уровень жизни. Жители региона обладают архаичным по сути менталитетом. По отношению к кубанцам, в том числе и ими самими, используется термин «куркуль». Характерной чертой этого социального феномена является сочетание двух казалось бы плохо сочетаемых элементов: крайнего индивидуализма и архаического коллективизма, тяги к стабильности, доходящей до косности, и собственнического патриотизма. Этот тип менталитета предполагает определённую предприимчивость, но она направлена прежде всего не на оборот и преумножение заработанного капитала, а на накопление, а также тягу к стабильности, доходящую до крайнего консерватизма. Указанные особенности менталитета степной Кубани практически не оставляют шансов демократически ориентированным лидерам найти здесь поддержку.

Как уже отмечалось, эта особенность Краснодарского края дополняется наличием морского побережья – 400-километровой линии Чёрного и Азовского морей. Здесь расположены современные порты (Новороссийск, Туапсе) и курортно-рекреационный комплекс (Сочи, Adler, Геленджик, Анапа), которые обладают потенциалом социально-экономической и культурной модернизации. Тем не менее, постоянная ориентированность здешнего населения на бизнес в сочетании с политической пассивностью, криминализация практически всех сфер хозяйственной деятельности, а также особенности национального менталитета греков и армян, традиционно живущих достаточно закрытыми этническо-земляческими общинами, также способствуют распространению авторитарных тенденций.

Пример казачества в этом случае весьма примечателен. Многие полагают, что одним из лучших и верных способов антикоммунистической и пролиберальной пропаганды является упоминание о зверствах большевиков в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. против казачества. Столь примитивная схема мышления себя абсолютно не оправдывает. Полувоенная дисциплина даже в гражданской жизни, психология служилого сословия, предполагающая помимо всего прочего преданность начальству и судьбе, культ силы – всё это, несмотря на

тотальный террор против казачества в период расказачивания, делало его лояльным режиму¹.

Данное обстоятельство, несмотря на широкие модернизационные перспективы края, служит серьёзной историко-культурной предпосылкой для возникновения региональной формы патерналистского вождизма, основанной на широкой партийно-популистской мобилизации.

1.2. 1991-1996 гг. на Кубани: «опричнизация» региона и упадок партийной политики

Крушение коммунистического режима в августе 1991 г. привело к отстранению от власти прежнего руководства края. Это повлекло за собой вакуум институтов и влиятельных действующих лиц местной политики. Ельцинское окружение стремилось силовыми методами переломить ущербный, с его точки зрения, кубанский политический консерватизм, имеющий давние исторические традиции. Возможно, именно поэтому популярный на Кубани председатель крайисполкома Николай Кондратенко был снят со своего поста за поддержку ГКЧП в августе 1991 г. с весьма экзотической формулировкой – «измена Родине» и даже подвергался преследованию.

После этого в крае началась настоящая «опричнизация». Отличительной особенностью местного политического процесса стала частая смена губернаторов – ставленников Москвы. С 1991 г. до середины 1996 г. они сменялись четыре раза: В. Дьяконов, Н. Егоров, Е. Харито-

¹ Вообще, демократизм казачьего сознания и форм поведения, отмеченный многими историками, – обыкновенный миф. Внешне демократические формы поведения скрывали по сути совершенно недемократический тип социальных отношений. Выборы, например, того же атамана, казалось бы, демократические по форме вовсе не были такими по сути. Атамана выбирали не затем, чтобы власть его была подконтрольной, а сам он был подотчётен, а для того, чтобы наделить его всей полнотой патриархальной власти и беспрекословно повиноваться ему, как почтительный сын повинуется отцу (традиционное обращение к атаману «батько» как нельзя лучше высвечивает суть этих отношений). Ближайшим историческим аналогом таких выборов являются вовсе не выборы президента демократической республики, а избрание фюрера. Идеалы казачества – воля и справедливость – по сути дела являются антиподами демократических идеалов свободы и законности. Напомню: на Кубани Н. Кондратенко повсеместно называют «батько Кондрат».

нов и вновь Н. Егоров. В итоге проводимая на Кубани политика была крайне непоследовательной. Так, для В. Дьяконова были характерны непомерный демократический романтизм и рыночное якобинство. Эти качества (как и у других демократических выскочек 1991 г.) сочетались в нём с бездарным администрированием, что предопределило его падение через год после назначения.

Пришедший ему на смену Н. Егоров был руководителем противоположного типа. Если В. Дьяконова с его произвольным стилем лидерства можно назвать копией Е. Гайдара, то Н. Егорова – копией В. Черномырдина с повадками осторожного бюрократического управленца. Н. Егоров быстро отменил наиболее обескураживающие проекты своего предшественника. Он также нашёл общий язык с местными властями, напуганными спонтанными действиями В. Дьяконова. В целом его политика в регионе не отличалась особым динамизмом и инновационным почерком. Тем не менее, Н. Егоров первым из провинциальных лидеров совершил головокружительный карьерный прыжок в Москву. Весной 1994 г. он был назначен министром по делам региональной и национальной политики.

С его уходом на Кубани воцарилось подлинное царство безлидерства. Новый руководитель края Е. Харитонов, протеже Н. Егорова, был «приставлен» им к региону в качестве временно исполняющего обязанности губернатора. Выходец из глубинки, Е. Харитонов не был связан с политическими и хозяйственными элитами края. Поэтому в Краснодаре он смотрелся политическим чужаком на фоне незавершённой борьбы за власть в регионе, а ни к чему не обязывающая формула «стабильность как поступательное прогрессивное развитие» стала приоритетом краевой администрации.

Результаты такой непоследовательной политики были плачевными. Удивительно, но потенциал Кубани – её выгодное транспортно-географическое положение, а также ресурсы – оказался растерянным. В пореформенные годы ни один из сменявших друг друга губернаторов не сумел предложить реалистичной инновационной стратегии развития региона. Вместо этого руководство края предпочитало ожидать внимания центра. Такая ситуация привела к деградации даже традиционно сильного на Кубани аграрного сектора. Вывод из этого может быть только один: *масштабы потерь соответствовали масштабам безлидерства.*

Представляется, что к власти в регионе в указанный период пришли политические аутсайдеры, неспособные завершить или хотя бы придать смысл борьбе различных экономических и политических интересов. Также на Кубани не произошло конвергенции двух слоёв бизнес-класса – старых хозяйственников и новых предпринимателей. Данные обстоятельства закрепили неопределённый и неустойчивый характер политической трансформации на Кубани. Указанная «опричнизация» привела к тому, что край фактически подвергся политической иммобилизации из-за слабого и внутренне разобщённого руководства. Не получила своей реализации и сколько-нибудь внятная партийная программа.

В такой ситуации край подошёл к губернаторским выборам декабря 1996 г., результаты которых привели к завершению периода «опричной» колонизации региона федеральным центром и началу эпохи Н. Кондратенко в местной политике.

1.3. 1996-2000 гг.: губернаторство Н.Кондратенко как «локальное геройство» и расцвет партийной политики

Как показывает российский опыт, политические партии создают оппозицией, чтобы завоевать власть, а после победы они самоликвидируются, как это произошло, например, в Челябинской области (с Петром Суминым). Это можно рассматривать как пример самотермидора региональной публичной политики. Есть только два исключения: партии Э. Росселя и Н. Кондратенко. Понятно, почему Э. Россель не ликвидировал партию: политика в Свердловской области конкурентна. Н. Кондратенко не ликвидировал свою партию – кубанское «Отечество», поскольку политика в крае также конкурентна, кроме того, Н. Кондратенко нужна была массовая партия мобилизационного типа для того, чтобы бороться не столько с противниками своего режима внутри региона, сколько с федеральным центром. Подобная же картина наблюдается в Белоруссии. Почему в Белоруссии голосуют так многие, хотя все уверены в том, что А. Лукашенко победит с огромным отрывом? Потому что народ протестует против международного давления. Созда-

вая образ врага не только в стране, но и уровнем выше – на международной арене, А. Лукашенко очень умело мобилизует голоса. Тактика Н. Кондратенко во многом напоминает тактику А. Лукашенко. Обладая огромными ресурсами (потому что он – представитель власти на локальном уровне), лидер Кубани может мобилизовать протестный электорат (потому что он – оппозиционер на общероссийском уровне). Губернатор не использует самотермидора в смысле роспуска массовой партии, соответственно, регион не превращается в «авторитарную засаду» и сохраняет мобилизационную энергию.

Политическое развитие Краснодарского края во второй половине 90-х годов представляет собой яркий пример такой эволюции. Подобный поворот был связан с возвращением на ведущие позиции «локального героя»: нового губернатора края (прежнего председателя крайисполкома) Николая Кондратенко, который одержал триумфальную победу на губернаторских выборах в декабре 1996 г., набрав 82% голосов избирателей. Комментируя результаты выборов губернатора, британский профессор Мэри Маколи пронизательно заметила, что победа Н. Кондратенко, возможно, даже больше, чем победа демократов в 1991 г., будет означать начало нового порядка¹. С возвращением Н. Кондратенко во власть закончился период «опричничания» региона федеральным центром и началась интенсивная идеологизация местной политики.

Подобные перемены были обусловлены изменением характера межполитических отношений по линии центр – периферия. Организационно-структурным основанием данного поворота стал выход на региональную сцену власти мощной и мобилизованной партийно-политической силы. Речь идёт о кубанском движении «Отечество», которое превратилось благодаря усилиям Н. Кондратенко в сильную электоральную и политическую машину продолжительного действия. В период губернаторства Н. Кондратенко (1996-2000 гг.) она представляла собой кубанскую партию власти, ее не стоит путать с одноимённым движением Лужкова-Примакова.

Сказанное означает, что новый губернатор не стал преемником своих прокремлёвских предшественников. Помимо политических заявлений это выразилось в кадровых чистках и формировании нового правительства края. Основным мотивом отставки прежних руководителей структур краевой администрации являлась их принадлежность к коман-

¹ McAuley M. *Russia's Politics of Uncertainty*. Cambridge Univ. Press, 1997. P.155.

де, прямо или косвенно поддерживавшей «преступную политику, приведшую к разграблению Кубани». После кадровой чистки была подобрана новая команда Н. Кондратенко из числа активистов «Отечества» по жестким идеологическим критериям.

Здесь уместно вкратце описать историю этого политического движения. Кубанский вариант «Отечества» был создан в 1993 г. и представляет собой блок общественных объединений и политических партий национал-патриотической ориентации от коммунистов и аграриев до представителей казачества. Первоначально лидером «Отечества» был депутат Госдумы от Краснодарского края С. Глотов (одновременно зам. предисполкома Российского общенародного союза С. Бабурин). Планировалось, что движение станет самостоятельной политической силой, причём не коммунистической, а националистической ориентации. Однако по-настоящему объединяющей фигурой и лидером «Отечества» стал Н. Кондратенко, с чьим именем этот политический блок ассоциируется и сегодня. Кубанское «Отечество» включает в себя более 100 тысяч членов, это люди, безоговорочно поддерживающие Н. Кондратенко и его сторонников.

Благодаря такому резерву и таким мобилизационным возможностям на губернаторские выборы 1996 г. Н. Кондратенко, получивший 82% голосов, потратил (если судить по объёмам рекламы и формам агитации) в десятки раз меньше средств, чем любой из остальных претендентов, получивших 3-5% голосов. С момента своего создания «Отечество» прошло путь от ведущей в крае оппозиционной силы до партии власти. Благодаря этому движению местные политические процессы стали одними из наиболее драматичных и эффектных во всей России.

Если прибегнуть к рискованным естественнонаучным аналогиям, то «Отечество» на первом этапе своего развития (1993-1996 гг.) и в период расцвета и политического доминирования (1996-2000 гг. – время губернаторства Николая Кондратенко) можно сравнить с кометой: партия представляла собой сплочённое цельное ядро в виде членов и активных сторонников КПРФ с многократно превосходящим его по своим размерам «шлейфом» людей, ориентированных на харизматического лидера Н. Кондратенко. Формированию «шлейфа» (не известно, являлось ли это целенаправленным или случайным действием) способствовало и то, что Н. Кондратенко в неявной форме демонстрировал политическую нетождественность своих взглядов платформе КПРФ –

их можно определить как умеренный национализм. Это способствовало привлечению той части электората, которую характеризовали национальная гордость, установки на сильное государство и т.д. Этот процесс усилился в 1997-1998 гг. по мере политического угасания на данном идеологическом поле такого конкурента кубанского «Отечества», как краснодарская организация РНПП (что стало причиной как потери политического веса Александром Лебедем в целом, так и административного давления со стороны Н. Кондратенко на лидера краснодарского отделения РНПП Виктора Крохмалю).

Это объясняет, почему Н. Кондратенко не ликвидировал своё движение – кубанское «Отечество» после победы на губернаторских выборах, как это сделал, например, челябинский губернатор Пётр Сумин. Для сохранения «Отечества» существовал ряд причин как объективного, так и субъективного характера.

Во-первых, позиции новоизбранного Н. Кондратенко в конце 1996 г. были не такими прочными, как к концу его правления. Он был «локальным героем», но ещё не общероссийского масштаба. И вероятность агрессивных действий со стороны Кремля в его адрес была достаточно высокой. В этой ситуации возможность держать в одном кулаке ряд разношёрстных организаций, работающих на крайне широкий спектр «левого» электората, но пронизанных кадровой и организационной структурой КПРФ, была большой поддержкой.

Во-вторых, в обстановке противостояния с Кремлём Н. Кондратенко нуждался в прикрытии со стороны федеральных политиков типа Г. Зюганова, В. Купцова и т.д. Коммунистическому руководству России блок «Отечество» подавался как движение, исключительно подконтрольное КПРФ, что не совсем соответствовало реальности.

В-третьих, массовая карманная партия – очень удобный инструмент для осуществления авторитарной по сути политики демократическими методами. Я имею в виду способ воздействия на местную муниципальную власть – Н. Кондратенко в любой момент мог предъявить выраженный партией «глас народа», и его угрозы организовать досрочное переизбрание глав городов и районов (с подобными законодательными инициативами он выступал в течение всего своего правления) не были пустым звуком¹.

¹ Более подробно см: Магомедов А.К., Кириченко М.М. Состязательный авторитаризм...

В-четвёртых, необходимо учитывать характер сил, чьи интересы реализовывал и на кого опирался Н. Кондратенко. Это директорский корпус АПК с крайне расплывчатыми политическими ориентациями, который, как уже отмечалось, имел непропорционально высокое представительство в исполнительной власти. «Отечество» – типичная идеологическая химера, соединившая вокруг одного стержня (личность Н. Кондратенко) очень разнородные идеологии. Она не имеет стратегических перспектив в силу своего неизбежного развала, но выгодна в плане тактическом тем, что может на какой-то промежуток времени объединить значительное число людей – хотя бы до тех пор, пока внутренние противоречия не достигли критической отметки.

В-пятых, эффективно реализовать мессианский комплекс Спасителя России от заговора международного сионизма (в чем Н. Кондратенко был абсолютно искренне убежден) удобнее всего в организации типа «Отечество». Только в такой идеологической химере можно было соединить организационно-человеческий капитал коммунистов и идеологию национализма.

Указанные обстоятельства обусловили небывало резкую оппозиционность нового губернатора в отношении проводимого Президентом Б. Ельциным курса реформ. Самым настойчивым лейтмотивом в заявлениях и действиях Н. Кондратенко оказалось нарастание катастрофических тенденций как в России, так и в регионе. Вся его деятельность в первый год правления краем означала замену ценности «региональной стабильности» ценностью «регионального спасения». В своей деятельности как краевого лидера Н. Кондратенко сумел соединить две функции: обустройство и упорядочение региона (функция «хозяина-устроителя земли») и защита населения (функция «героя-защитника»). Данные шаги полностью отражают политическую позицию Н. Кондратенко, который заявил: «Вся проводимая в России политика является последовательным геноцидом русского народа (в первую очередь русского), осуществляемая в угоду и под непосредственным контролем транснациональных империалистических сил». В его деятельности преобладает мобилизационная составляющая, при которой даже чисто экономическая проблематика романтизируется борьбой со злом и наказанием виновных. В реализации подобного рода лидерства кубанское «Отечество» выступает как идеальный организационный и кадровый

механизм. Н. Кондратенко в этой политической машине играет роль мозга, мотора и живого идола.

Понять эту миссию трудно не зная личных качеств губернатора. Поэтому более подробно остановимся на характеристиках персонального политического лидерства Н. Кондратенко и причинах его популярности в крае. Объяснять «феномен Н. Кондратенко» чисто экономическими мотивами – его резко декларируемым неприятием политики ельцинского правительства, постоянными выступлениями в защиту кубанского села, статусом лидера мощного блока «Отечество» – было бы упрощением. В отношении последнего следует отметить, что не столько «Отечество» обеспечивало поддержку Н. Кондратенко, сколько наоборот, его личная популярность способствовало росту рядов движения. Исключительно экономическим фактором этот феномен объяснить нельзя. Необходимо отметить ряд обстоятельств индивидуально-личностного характера.

- Н. Кондратенко обладает всеми чертами харизматического лидера, он всегда простым и понятным языком может указать и цель, и врага, мешающего реализации этой цели.
- Высокому уровню популярности Н. Кондратенко способствует его имидж и как борца с центральной властью и как человека, пострадавшего от этой власти. В своё время за поддержку ГКЧП он был снят с должности председателя крайисполкома, но перед этим (в 1989-1991 гг.) он успел сделать запомнившиеся всем и впоследствии оправдавшие себя предсказания о приближающемся резком ухудшении жизненного уровня населения. Новейший российский политический опыт настойчиво доказывает, что имидж человека, «гонимого властью», в массовом сознании даёт огромное преимущество любому политику. Вернувшись во власть, Н. Кондратенко продолжал поддерживать этот имидж, чему немало способствовали резкие выпады в его адрес со стороны центральных СМИ (в особенности НТВ, «Известий»), ещё более добавлявшие ему популярности в определённых социальных группах.
- Наконец, немаловажным фактором являются ораторские способности Н. Кондратенко. Образная и метафоричная речь с кубанскими диалектизмами и акцентом вне зависимости от ее содержания располагает к нему аудиторию. Этим он разительно отличается от своих пред-

шественников. Пожалуй, впервые за многие десятилетия на Кубани появился руководитель, умеющий говорить с народом на языке народа. Харизма – феномен по преимуществу иррациональный, а Н. Кондратенко превратился уже не просто в харизматическую, а в культово-знаковую фигуру, в символ всего кубанского для определённой части электората (очень значительной и не только простонародной, как обычно принято считать).

Разумеется, популярность Н. Кондратенко заметно выше в сельских районах нежели, к примеру, в г. Краснодаре и снижается в слоях интеллигенции, но это снижение незначительно, и говорить о ярко выраженной тенденции не приходится. Необходимо заметить, что отношения Н. Кондратенко с коммунистами далеко не однозначные и имеют форму стратегического сотрудничества. Как уже отмечалось, само движение «Отечество» в своё время создавалось как политическая сила скорее протестно-националистического нежели коммунистического толка.

К примеру, проводившееся в 2000 г. социологическое исследование выявило несовпадение возрастной динамики сторонников КПРФ и «Отечества» Н. Кондратенко. Для первых была характерна более чётко выраженная возрастная и социальная зависимость. Группа сторонников КПРФ была значительно более гомогенна, идеологически цельна. Группа поддержки краевой «партии власти», т.е. кубанского движения «Отечество», менее однородна, в ней представлены различные половозрастные и социoproфессиональные слои населения. В ходе опросов нередко оказывалось, что в нее входят представители слоёв, не принадлежащих к так называемому левому протестному электорату, - студенты, творческая интеллигенция, представители малого бизнеса и т.п. В ходе проводимых исследований, когда рейтинг Н. Кондратенко изучался особо, была отмечена следующая черта: симпатии к нему вовсе не были изоморфны с партийно-политическими ориентациями опрошенных. В числе симпатизирующих Н. Кондратенко были не только представители КПРФ и, естественно, кубанского «Отечества», но и иных партий, включая партии демократической ориентации (за исключением «Яблока»). Это обстоятельство лишний раз подчёркивает культово-харизматический характер личности Н. Кондратенко, а также то обстоятельство, что симпатии к кубанскому губернатору основываются не на рационально-идеологических мотивах, а лежат в гораздо более глубинных слоях социальной психологии.

Такой уровень популярности для действующего губернатора – вещь совершенно уникальная в новейшей российской истории. Многие региональные политики – Ю. Горячев, А. Руцкой, А. Лебедь, К. Илюмжинов и т.д. – приходили во власть на пике популярности, но никто из них не сохранил её в том же объёме за годы пребывания в губернаторских креслах. По данным социологов, летом 2000 г. Н. Кондратенко мог рассчитывать на 60-70% голосов в городах края и на 80-90% в сельских районах.

Только лидер, обладающий такой безоговорочной поддержкой населения, мог позволить себе осенью 2000 г. совершить «ельцинский» (читай – царский) поступок –передать власть своему официальному наследнику. Им стал соратник Н. Кондратенко по кубанскому «Отечеству», депутат Госдумы Александр Ткачёв. Последний набрал на губернаторских выборах 3 декабря 2000 г. 82% голосов избирателей именно как преемник кубанского «бабки». Сам Н. Кондратенко стал представлять Краснодарский край в Совете Федерации, и сегодня его роль в политической жизни региона заметно снижается.

Почему Н. Кондратенко не стал избираться на второй губернаторский срок? То, что произошло, выглядит вполне закономерным и обусловлено обстоятельствами как объективного, так и субъективного плана. Среди субъективных, лежащих на поверхности причин необходимо отметить, что после неожиданного ухода Б. Ельцина с политической сцены Н. Кондратенко нечего было противопоставить В. Путину – «руководителю уровнем выше».

Здесь самое время отметить типологическую близость Н. Кондратенко и В. Путина в контексте исполняемой роли. Их схожесть в том, что они оба выступали в качестве «защитников» и «спасителей» в атмосфере кризисного сознания и коллективного стресса. Оба применили идею мобилизации аппарата и населения для сохранения и развития власти.

Н. Кондратенко защищал кубанцев от внешних символов зла: мировой закулисы, ельцинской политики, московских олигархов, стихийной миграции. Аналогичным образом россияне поддержали В. Путина после взрывов жилых домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске осенью 1999 г. Мобилизация и консолидация российского общества под лозунгом «Отечество в опасности» были достигнуты после кровавых терактов в этих городах и военных действий в Дагестане против ваххабитов. Именно тогда произошли сдвиги в массовом сознании россиян: в

момент стресса миллионов граждан В. Путин выступил фактически как психотерапевт, выполняя роль «защитника» народа и неумолимого преследователя террористов. Операция по «сплочению нации» обеспечила успех В. Путина на президентских выборах в марте 2000 г.

Можно утверждать, что В. Путин перетянул общественные симпатии на себя, оголив харизму Н. Кондратенко и сузив политическое поле публичного патриота, отобрал его имманентные роли «героя» и «защитника», без которых Н. Кондратенко мёртв как политик. Думается, сам Н. Кондратенко, весьма тонко чувствующий общественные настроения, понял это в первую очередь. Стилистика, характер и общее содержание выступлений В. Путина абсолютно наложились не только на некоторые характеристики общероссийской ментальности. На Кубани это воздействие было гораздо более эффективным в силу того, что кубанский электорат был более к ним подготовлен специфическими моментами политической деятельности губернатора Н. Кондратенко. К ним можно отнести:

- чёткую идентификацию «внешнего врага» и неявно формулируемую связь всех (большинства) проблем с этим образом;
- лексически не выражаемые, но подразумеваемые готовые решения;
- обещание разобраться с «врагами» эффективными методами (в этой ситуации даже нейтральный термин «адекватными» приобретает угрожающий оттенок).

Ситуацию мало меняет то обстоятельство, что В. Путин борется с международным терроризмом, тогда как для Н. Кондратенко внешним врагом выступают мировой сионизм и мигранты, – *в обоих случаях принцип мобилизации один и тот же*¹. В определённом смысле столь

¹ Основой и костяком образа «бабки» является архетипический образ «народного заступника». Для соответствия ему необходим внешний враг, с которым герой ведёт непрестанную и небезопасную борьбу. При этом зло, с которым борется герой, должно быть Злом с большой буквы. В случае с Н. Кондратенко это а) «мировая жидомасонская закулиса», б) политика Москвы, в) организованная армянская экспансия на территорию края. Во всех случаях Зло насколько глобально настолько же и абстрактно, персонифицировано.

Из перечисленных угроз первая в силу предельной абстрактности воспринималась кубанским населением наиболее спокойно, чего нельзя сказать об остальных, в особенности второй в позднеельцинский период. Однако триумфальное избрание В. Путина, получившего на Кубани 51,5% голосов во время президентских выборов в марте 2000 г., если не полностью вывело второй козырь из игры, то уж во всяком случае сильно снизило его значимость.

разные политики воздействовали на одни и те же структуры массового сознания электората, и можно сказать, что для большинства голоса В. Путин являлся «московским Н. Кондратенко»: сильной фигурой, «жесткой рукой» и «отцом нации», в спасительную сень которого стремится склонная к авторитаризму личность.

Таким образом, в регионе сложились новые условия, при которых Кубань уже не противостоит Москве. Уход Бориса Ельцина с российской политической сцены ликвидировал основу для напряжённых межполитических отношений между центром и регионом. Этим можно объяснить ослабление «Отечества» как движения, формировавшего и поддерживавшего мятежный потенциал Краснодарского края.

Наряду с субъективными, существуют куда более серьёзные объективные причины ухода Н. Кондратенко с кубанской политической сцены и ликвидации напряжённых межполитических отношений. Они обусловлены изложенными выше факторами ускоренной модернизации региона. Краснодарский край стал в силу уже описанного изменения его геополитического положения ареной реализации целого ряда крупномасштабных международных и общероссийских технологических проектов. В первую очередь речь идет о проекте Каспийского трубопроводного консорциума, по которому ежегодно на мировые рынки будет поставляться 67 млн тонн каспийской нефти; проекте «Голубой поток», предусматривающем прямую поставку в Турцию в течение 25 лет газа на общую сумму от 22 до 25 млрд долл.; о строительстве Керченского моста и планах «Роснефти» и «ЛУКойла» по освоению газо- и нефтеносных шельфов Азовского и Черного морей. Если учесть, что их реализация приходится на короткий исторический отрезок 1999-2002 гг., то не будет преувеличением сказать, что за последние три года край пережил технологическую модернизацию, несравнимую с другими регионами России.

Не секрет, что для федерального центра Н. Кондратенко всегда был весьма неудобной фигурой. Одной из наиболее ярких черт проводимой им внутренней политики являлась экономическая автаркия. Под прикрытием антимафиозных лозунгов край был закрыт для экспансии московского и иностранного капитала. Под этими же лозунгами краевое правительство контролировало рынок сельхозпродукции, устанавливая ценовой коридор и квотируя (или запрещая) вывоз продукции за пределы края. Создание искусственных барьеров на пути проникнове-

ния иностранного и московского капитала на территорию Кубани стало основой благосостояния кубанской хозяйственной элиты при Н. Кондратенко.

Основная причина неприемлемости для Москвы Н.И. Кондратенко – это его роль лидера в борьбе против крупных нефтяных компаний, имевших на Кубани стратегические интересы, и экономически радикальных вариантов земельной реформы в России. Совершенно очевидно, что наличие на посту ведущего аграрного и одного из главных транзитных регионов России такого человека, как Н. Кондратенко – крупное препятствие на пути реализации как идеи частной собственности на землю, так и амбициозных топливно-транспортных проектов. Даже стиль политических высказываний Н. Кондратенко не оставляет в этом никаких сомнений. Так, в своём выступлении на Совете Федерации в июле 2000 г. по поводу массовых отключений электроэнергии он заявил: «Если возвращусь с заседания, а в крае отключения будут продолжаться, то я на вполне законных основаниях остановлю строительство КТК (Каспийского трубопроводного консорциума – *А.М.*), газопровода, остановлю экспорт нефти и нефтепродуктов через порты края. Остановлю для того, чтобы кто-то приехал и попытался разобраться во всём, ибо происходящее – просто диверсия»¹. И это было не первое заявление подобного рода. На совещании глав администраций и специалистов АПК в апреле 2000 г. он пообещал присутствовавшему на совещании вице-премьеру правительства РФ по сельскому хозяйству В.Н. Щербаку разработать программу свёртывания производства в аграрном секторе с тем, чтобы обратить наконец внимание правительства РФ на проблемы сельского хозяйства. При этом он дословно заявил следующее: «Надо было перекрыть вам трубу (т.е. экспортный нефтепровод. – *А.М.*), взорвать её к чёртовой матери, поставить туда казаков и посмотреть, как вы будете выкручиваться»².

Иными словами, главное в политике Н. Кондратенко – вовсе не идея жидомасонского заговора, которую московская пресса выдвигает на передний план. Это не более, как форма проявления другой доктрины – более глубокой и общей для столь разнородных фигур, как Бен-Ладен и Фидель Кастро, Саддам Хусейн, оппозиционеры Евросоюза,

¹ Кубанские новости. 2000. 28 июля.

² Краснодарские известия. 2000. 27 апреля.

патриарх Алексей и А. Солженицын. Это доктрина противодействия глобализации. Половина экономических актов, составленных в период губернаторства Н. Кондратенко, – имеют подобный характер. Главное в его внутренней политике – идея ойкаса, самодостаточной региональной экономики, закрытой от внешнего (даже российского) воздействия.

Сумма причин, обусловленных геостратегическим положением Краснодарского края в составе России, и неизбежность ускоренной технологической модернизации края не оставляют региональной хозяйственной элите возможности выбора. Процесс носит объективный характер и почти полностью контролируется федеральными властями, общероссийскими ФПГ и межнациональными корпорациями. Политическая и хозяйственная элита края может только приспособливаться к нему, сделав предметом торга свою лояльность федеральному центру. Политическая судьба главного харизматика и фрондёра России Николая Игнатовича Н. Кондратенко является тому ярким подтверждением. В силу своей геополитической роли край будет жестко контролироваться федеральным центром, поэтому возможность введения каких-либо новаций, противоречащих федеральному законодательству и хозяйственной политике или плохо с ними коррелирующихся, будет равна нулю.

Подобный ход событий обусловил резкие перемены в жизни кубанского «Отечества». Как партия одного (харизматического) лидера это движение стремительно начало терять очки и пока держится на а) инерции авторитета Н.Кондратенко и б) потенциале краевой организации КПРФ. Тактика иных политических акторов и партийных игроков заключается в стремлении вбить клин между Н. Кондратенко и А. Ткачёвым. Однако А. Ткачёв сегодня демонстрирует сдержанность, используя «Отечество» в качестве «коллективного теневого консультанта», но не более.

Особенностью сегодняшней ситуации является то, что модернизационные перспективы края связывают с фигурой, которая воспринимается общественным мнением как выразитель интересов аграрного Севера. Ведь именно на лозунгах и обещаниях продолжить хозяйственную и социальную политику Н. Кондратенко нынешний губернатор края Александр Ткачёв пришёл во власть. Однако использование прежних идеологических схем Н. Кондратенко в новом контексте не просто малореально, но и политически опасно для нового губернатора.

Считаю необходимым сделать прогноз относительно дальнейшего развития движения «Отечество»:

1) движение ослаблено уходом Н. Кондратенко в Совет Федерации. Его влияние будет сказываться в течение еще примерно 2-3 лет, но в целом очевидно, что движение утратило консолидирующий его центр;

2) замедлить этот процесс может интегрированная во власть верхушка «Отечества» (В. Бекетов - председатель Законодательного собрания края, В. Рунов - председатель ГТРК «Кубань», Н. Осадчий - зам. председателя Законодательного собрания края, Н. Приз - мэр Краснодара и т.д.);

3) одновременно будет идти поиск новых лидеров движения. «Отечеству» необходимо срочно позаботиться о подготовке нового лидера №1;

4) с потерей централизованного лидера вполне вероятен дрейф в сторону «дублирующей» структуры. Таковой в отсутствие Н. Кондратенко выступит Краснодарская краевая организация КПРФ как партия с более выраженным идеологическим содержанием;

5) учитывая тот факт, что сегодня «Отечество» сохранило административный потенциал на уровне районно-городского руководства (подавляющее большинство глав муниципальных образований на выборах в декабре 2000 г. шли под знаменем «Отечества» и/или являлись его членами), а также в директорате предприятий среднего звена, возможен потенциальный конфликт уровней власти.

Суть конфликта заключается в том, что А. Ткачёв вынужден разрываться между лояльностью к кубанскому «Отечеству» – движению, давшему ему власть на краевом уровне, и ролью проводника кремлёвских реформ. Потенциал «Отечества» в органах власти муниципального уровня позволяет ему инициировать законодательные новации (тем более, что в ЗСК 3/4 депутатов – члены движения) по изменению краевого законодательства («О выборах главы администрации (губернатора) Краснодарского края») и легально отстранить А. Ткачёва от власти. Иными словами, налицо конфликт между компромиссной фигурой в лице «ревизиониста» А. Ткачёва, устраивающей Кремль, и последовательных «батькианцев» – идеологических сторонников Н. Кондратенко. На текущий момент позиции Александра Ткачёва в крае достаточно слабы. Он выполнил «заказ Кремля», став «троянским конём» в самом центре «красного пояса» – в стане Н. Кондратенко и выбив экономи-

ческую почву из-под кубанского «Отечества» (с целью избежать аппаратного саботажа и лишить коммунистов административных рычагов он полностью заменил всё руководство краевой администрации, состоявшее почти полностью из членов кондратенковского «Отечества»).

Новый федеральный закон «О партиях» не распространяется на кубанское «Отечество» до 2003 г. Думается, новый губернатор будет удерживать движение в рамках, гарантирующих выживание, но не дающих ему возможности превратиться в серьёзного актора.

2. Ульяновская область: политический патронат и неформальные ресурсы взамен партийной политики

2.1. Ульяновский традиционализм и демократическая альтернатива: Ю. Горячев против «узлов интеллекта»

Политическая география и экономика Ульяновской области более сбалансированы по форме и содержанию, нежели Краснодарского края. В области не было исторически устоявшихся расколов по отраслевому, географическому и демографическому признакам, столь характерных для Кубани. В отличие от Краснодарского края область является однополюсным регионом с доминированием региональной столицы – города Ульяновска. В результате бурного послевоенного промышленного развития Ульяновский регион быстро превращался в крупный индустриальный ареал, городское население в котором составляло 65%. Но по настоящему мощный модернизационный импульс область получила в 80-е годы XX в., когда началось строительство авиационно-промышленного комплекса («Авиастар»), что обещало превратить областной центр в город с миллионным населением. Ульяновск становился одним из крупных центров производства авиационной техники и подготовки кадров для её обслуживания. В 1986 г. началось развёрнутое строительство Ульяновского центра микроэлектроники (УЦМ), завода «Ротор». В 1988 г. в Ульяновске был открыт филиал МГУ.

Индустриальный рывок 70-80-х годов оказал двойственное влияние на социально-политическое развитие региона. С одной стороны, он привёл к массовой миграции в Ульяновск сельских жителей, главным образом из близлежащих деревень. Эти люди, имевшие невысокий образовательный и квалификационный статус, являлись носителями патриархальной политической культуры¹. Для последней, как и в случае с Краснодарским краем, характерны эгалитаристские и патерналистские ожидания, культ силы и культ «героя». Как отметил местный аналитик А. Кузнецов, горожане с сельскими корнями и приверженные деревенскому укладу – пожалуй, одна из определяющих черт современного Ульяновска².

С другой стороны, эти процессы сопровождались притоком интеллектуальных сил и лучших инженерно-технических кадров со всего бывшего Советского Союза. Указанные предприятия, лаборатории, вузы становились своего рода «узлами интеллекта», где концентрировался квалифицированный научный и производственный персонал. В итоге в Ульяновске сложились неплохие перспективы для формирования модернизационного потенциала и инновационного духа. Такое развитие помогло бы преодолеть наиболее консервативные черты ульяновского провинциализма и местничества. Однако эта перспектива осталась нереализованной. Распад СССР, реформы Ельцина-Гайдара и связанные с ними процессы деиндустриализации общества нарушили этот динамизм, а затем вызвали упадок высокотехнологичных предприятий. Начавшаяся в начале 90-х годов регионализация российского государства привела к образованию в Ульяновской области специфической формы локального авторитаризма губернатора Юрия Горячева³. Этот авторитаризм, имевший в своей основе глубокую патерналистскую архаику, ос-

¹ Особенности ульяновской модернизации и ключевые характеристики местной политической культуры описаны С. Рыженковым. См.: Рыженков С. Ульяновская область: переход без смены элит // Россия регионов: трансформация политических режимов / Под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова. М.: Весь мир, 2000. С. 257-293.

² Кузнецов А.М. Онтология ульяновского жителя // Тезаурус. Журнал интеллектуальной элиты Ульяновска. Ульяновск, 1997. С. 55-73.

³ Детальное описание событий начала 90-х годов, связанных с назначением Ю. Горячева главой администрации Ульяновской области, см.: Кругликов А. Ульяновская область. Хроника событий: противостояние власти и оппозиции // Регионы России. Хроника и руководители. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1999. С. 197-235.

нованную на традиционной полудеревенской культуре¹, неизбежно вступил в конфликт с указанными «узлами интеллекта», который развивался следующим образом.

1. Конфликт областного руководства с «Авиастаром» в конце 80-х – начале 90-х годов.

2. Конфликт с руководством УЦМ в начале 90-х годов.

3. Конфликт в начале 90-х годов с горсоветом Ульяновска, где собралась самая подготовленная и интеллектуально развитая часть городских управленцев и производственников.

4. Конфликт с филиалом МГУ, ныне УлГУ, который начался в середине и продолжался до конца 90-х годов. Противостояние губернатора Ю. Горячева и ректора УлГУ Ю. Полянского стало одним из самых заметных политических событий в Ульяновске за последние годы. Оно было настолько острым, что Ю. Горячев пытался даже уничтожить УлГУ.

Эти конфликты закончились победой губернатора Ю. Горячева, что привело к закономерному господству ульяновской периферии в местной политике. Нанося удары по «узлам интеллекта», Юрий Горячев создавал законченный тип локальной «партии администрации». Последняя стала порождением специфического ульяновского номенклатурного клана, отличавшегося сплочённостью и единством ещё в доперестроечные времена. Это объединение сложилось после августа 1991 г. как неформальная, но хорошо организованная группировка, контролирующая властные структуры и бизнес в Ульяновском регионе вплоть до своего падения в конце 2000 г.

Сплочённость горячевской правящей группировки обеспечивалась посредством взаимопроникновения различных узлов власти и взаимопереплетения карьер. Это сообщество представляло собой замкнутое целое, в полной мере унаследовавшее старый номенклатурный корпоративизм. Взаимоотношения внутри него отличались глубокой приверженностью системе предписанных ролей. Многое здесь было результа-

¹ Наиболее удачная характеристика подобных норм политических взаимоотношений в элите дана М. Фарукшиным: «Специфическая деревенская культура, привнесённая значительной частью правящей элиты во властеотношения, включает в себя традиционные нормы чинопочитания, внутреннего неприятия оппозиции и инакомыслия, благоволения выходцам из собственной среды, ещё больше – землякам, подозрительности к «чужакам», особенно из городских и образованных слоёв, представление о собственной непогрешимости, самолюбование и т.д.» (Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 70).

том «неформального управления», построенного на первичных связях Ю. Горячева и ключевых фигур различных уровней административной иерархии. Подобная система ограничивала возможности других политических акторов и существовала благодаря интрагрупповому фаворитизму в рамках описанной правящей корпорации и аутигрупповой дискриминации по отношению к политическим «чужакам».

Что касается политической альтернативы ульяновской «партии администрации», то первоначально в качестве таковой выступала областная организация «Выбор России» и силы, группирующиеся вокруг неё. Однако эта демократическая оппозиция в силу своей слабой организованности и внутренних противоречий не смогла стать реальным конкурентом местной «партии власти».

Реальной оппозицией региональной «партии администрации» с середины 90-х годов сумела стать лишь Ульяновская областная организация КПРФ, насчитывавшая в своих рядах до трех тысяч человек. Её лидер Александр Кругликов составил действенную конкуренцию Ю. Горячеву во время губернаторских выборов 1996 г.

Консервация правящего персонала и специфический характер политического лидерства в регионе оказали отрицательное влияние на формирование региональных партий в Ульяновской области. В отличие от Краснодарского края Ульяновск являет собой общероссийский пример весьма слабого развития партийной системы. Выборы главы администрации области и городов, а также областной и городской думы в течение всего последнего десятилетия проходили преимущественно в непартийном ключе. За это время в регионе не сложилось стабильных и эффективных партий, способных представлять интересы различных политических сил. За исключением местной организации КПРФ политические партии, действующие в области, характеризуются малочисленностью, организационной и финансовой слабостью, отсутствием ярких лидеров. Как показали политические события начала и конца 90-х годов в Ульяновске (связанные со взлётом и падением бывшего губернатора области Юрия Горячева), местное население нуждается в подлинном социальном патронаже. В начале 90-х годов такую роль играл Юрий Горячев, сумевший бросить вызов политике «шоковой терапии» Ельцина-Гайдара во имя защиты интересов жителей региона. В общероссийском масштабе эта политика получила громкое название «ульяновского

феномена», сами же местные руководители называли такой курс «мягким вхождением в рынок». Символы политики, проводимой в 1992-1995 гг., – талонная система, административное регулирование, устойчивая социальная ориентация – действительно выдавали Ю. Горячева как народного лидера, приверженного непартийному эгалитаризму. Роль народного защитника стала для него ритуальным выражением массовых патримониальных ожиданий населения, возникших в самом начале 1992 г. перед лицом мифических ужасов «шоковой терапии»¹. Весьма точно эту связь выразил в своё время корреспондент газеты «Уолл Стрит Джорнел» Ади Игнатиус: «Было бы нелегко запустить ульяновскую модель в действие, если бы за пультом управления не стоял лидер, подобный господину Ю. Горячеву, – умный, отечески следящий за подопечными»². Сам Ю. Горячев на этом этапе своей карьеры также предпочитал апеллировать к народу и не желал идти на компромисс с какими-либо политическими силами.

Однако с середины 90-х годов стабильную картину экономического благополучия и социальной гармонии региона начали нарушать кризисные явления. Уже тогда наметился крах проводимой в области политики «мягкого вхождения в рынок». Налицо была деградация производственной сферы региона. Речь идёт о развале текстильной промышленности, дававшей до 26% поступлений в областной бюджет, о катастрофическом положении сельского хозяйства, обязанного поставлять городу продовольствие по фиксированным ценам без всякой компенсации, о бедственном положении оборонной отрасли. Заработная плата жителей Ульяновской области всё более разительно отличалась от уровня доходов населения соседних регионов. По уровню средней зарплаты её населения в 1996 г. область стала вдвое отставать от Самарской области и в 1,5 раза от Татарстана. Это порождало социальные и политические конфликты, которые проявились во время губернаторских выборов 1996 г. Ухудшение экономического положения региона неизбежно при-

¹ Механизм проведения данной политики, а также её популистская интерпретация местными властями исследованы в работах А. Магомедова и К. Мацузато. См: Магомедов А.К. Политическая элита российской провинции // МЭиМО. 1994. № 4. С. 72-79; Он же. Политический ритуал и мифы региональных элит // Свободная мысль. 1994. № 11; Matsuzato K. The Split and Reconfiguration of Ex-Communist Party Factions in the Russian Oblasts // Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. 1997. № 1.

² Цит. по: Симбирский курьер. 1994. 14 апреля.

вело к падению авторитета Ю. Горячева внутри области. Он растерял имидж «героя» и «защитника», харизматический ореол сменился бюрократической умеренностью.

Что касается партийных пристрастий губернатора, то Юрий Горячев их не демонстрировал. В отличие от предельно воинственного и подчёркнуто идеологизированного Н. Кондратенко, позволявшего себе публичные угрозы в адрес российского правительства с трибуны Совета Федерации, Юрий Горячев вёл себя незаметно. Конкуренцию между партиями он считал политиканством – пустой тратой времени и средств, что отвлекало от решения задач управления. С этого момента политическая активность Ю. Горячева и его окружения начала приобретать форму адаптации к меняющейся политической конъюнктуре. Ни в области, ни в центре (в качестве члена ельцинского Совета Федерации) он не обозначал своих идеологических симпатий. Политическая лояльность по отношению к Кремлю в сочетании с поддержкой бывшего управделами администрации президента П. Бородина (выпускника Ульяновского сельскохозяйственного института, где учился и Ю. Горячев) создали и воспроизводили ситуацию взаимного попустительства, устранившую и Б. Ельцина, и Ю. Горячева.

Чтобы закрепить стабильность и устойчивость своего положения, Ю. Горячев вошёл в состав политсовета всероссийского общественного движения «Наш дом – Россия» (НДР), который возглавил действующий в то время премьер-министр российского правительства Виктор Черномырдин¹. По линии центр – периферия данное событие означало окончательную стабилизацию отношений Кремля и Ульяновска. Об этом красноречиво говорит тот факт, что именно в это время – в июле 1997 г. – Президент Б. Ельцин наградил Ю. Горячева орденом Почёта. Что касается взаимоотношений с реальной или потенциальными «партиями власти» (НДР, ОВР, «Единство»), то, как будет показано на примере «Единства», активность Ю. Горячева в формировании этих политических образований носила чисто конъюнктурный и функциональный характер. Главный мотив его участия в работе этих партий заключался в

¹ Однако, несмотря на это, НДР потерпел полное фиаско в Ульяновской области во время декабрьских выборов в Госдуму в 1995 г. Если по России НДР получил более 10% голосов, то в области он не смог набрать даже 5%. И это при том, что в руководстве областного отделения НДР оказался почти весь местный политический истеблишмент – замы губернатора, главы районов, директора крупных заводов.

Глава 2. Межполитические отношения и формирование региональных...

стремлении заручиться поддержкой сильного федерального актора сначала в лице В. Черномырдина, затем Е. Примакова и, наконец, В. Путина. Подобное поведение, ставшее хрестоматийно образцовым для большинства российских региональных лидеров, весьма точно описала французская исследовательница Д. Люсье: «Многие губернаторы непрерывно перескакивали из партии в партию, пытаясь примкнуть к тем группам, которые казались наиболее сильными и влиятельными в данный момент»¹. Что касается Юрия Горячева, то он в силу врождённого прагматизма не вступал в партии сам, а направлял своих замов в каждую из вновь образуемых партий, чтобы иметь базу в победившей коалиции.

Дальнейшие события показали, что в Ульяновске в 90-х годах усиливались партийные признаки в жизни местного сообщества. Развитие этого процесса стимулировало одновременное избрание губернатора области и мэра Ульяновска в декабре 1996 г. Выборы продемонстрировали, как уже отмечалось, ослабление власти действующего губернатора. Во-первых, губернаторские выборы, несмотря на победу Юрия Горячева, показали укрепление позиций местной КПРФ. Во-вторых, потерпел поражение на выборах мэра Ульяновска ставленник Ю. Горячева Сергей Ермаков, проигравший оппозиционно настроенному кандидату Виталию Марусину. Это привело к нарастанию напряжённости во взаимоотношениях двух уровней власти – областной в лице губернатора и городской в лице мэра. Данный конфликт представлял собой выражение противоречий не между государственной властью и органами местного самоуправления, а между политическим элитами разных уровней. Однако если в Свердловской области такой конфликт развивался на основе достаточно сильных региональных партий и развитой партийной системы (порождённой, как уже отмечалось, экономическими и отраслевыми разделениями в регионе), то в Ульяновске эти факторы отсутствовали. Любопытно поведение нового ульяновского мэра Марусина, который начал искать союза с областной организацией КПРФ на почве противостояния с губернатором Ю. Горячевым (политиком уровнем выше). Перспектива такого альянса не была реализована частично из-за пассивности сторон, но главным образом из-за политики губернатора, направленной на раскол и ослабление местного отделения

¹ Lussier D.N. The Role of Russia's Governors in the 1999-2000 Federal Elections / Paper prepared for the Conference «Regional Politics in Russia». Dundee, Scotland, 13-14 May 2000. P. 6.

КПРФ. Ю. Горячев и его окружение осознали факт движения российского общества влево и усиления позиций левых партий в политической жизни России. Ближайшей целью губернаторской команды, на которую были брошены все административные ресурсы, стал перехват у коммунистов патриотических лозунгов.

Очередной формой адаптации губернаторской команды к меняющейся ситуации стало создание в ноябре 1998 г. Ульяновского Союза Патриотов (УСП) – общественно-политической организации левого толка, председателем которой был избран Ю. Горячев. В районах области первичные организации УСП насаждались по указке сверху, а координационный совет Союза был полностью подконтролен областной администрации.

УСП успешно справилась со своей главной задачей – нейтрализацией областной организации КПРФ вместе с её лидером А. Кругликовым. КПРФ была лишена возможности влиять на формирование УСП. Более того, часть районных функционеров КПРФ перешла на сторону Ю. Горячева и даже вошла в руководство УСП, поставив коммунистов на грань раскола. Тем самым Ю. Горячев мастерски перехватил патриотические флажки из рук оппозиции – активистов КПРФ. В итоге Ю. Горячев на какое-то время создал инструмент политического влияния на массы в условиях резкого усиления позиций левых партий в политике России и небывало низкого рейтинга президента Б. Ельцина¹. В любом случае, нельзя считать формирование УСП серьезной попыткой создания региональной партии, сравнимой с кубанским «Отечеством».

Однако события конца 1999 г. – начала 2000 г., связанные с приходом В. Путина на должность и.о. президента, резко осложнили позиции Ю. Горячева в местной политике. Это выразилось в новой, но весьма противоречивой и неуклюжей адаптации областной администрации к движению «Единство» – путинской пропрезидентской партии. Сначала Ю. Горячев отказался от связей с этим движением (якобы из-за того, что за «Единством» стоял Б. Березовский). Но осознав свою ошибку и убедившись, что формируется новая «партия власти», ульяновская администрация быстрыми темпами сколотили региональное отделение движения «Единство». Руководить отделением назначили заместителя губернатора Александра Павлова по аналогии с тем, как несколько лет назад другой заместитель, Юрий Рогов был назначен руководителем

¹ Накануне президентских выборов летом 1996 г. Ю. Горячев публично обращался к населению области с просьбой отдать голоса Б. Ельцину.

местного отделения НДР, в то время «партии власти». Однако этим энтузиазм Ю. Горячева присягнуть на верность В. Путину (как в Средние века феодалы присягали одному лорду) не был исчерпан; 25 января в ходе организованного вице-премьером Виктором Христенко общероссийского селекторного совещания Ю. Горячев, воспользовавшись моментом, заявил: «Скоро весна. Сев. Выборы. Мы все в одной команде, команде В. Путина»¹. Так губернатор Ю. Горячев устранил неясность в отношениях с «Единством» и публично присягнул на верность В. Путину.

2.2. Губернаторские выборы 2000г.: продолжение инертных межполитических отношений Ульяновской области с Центром

В конце 90-х годов на фоне краха горячевской политики популистского регионализма в виде «мягкого вхождения в рынок» Ульяновская область подошла к губернаторским выборам. Появился шанс изменить ульяновскую политическую традицию, возобновить общественную активность и повысить электоральную ответственность. Надежды на такие перемены дал «отец-командир», герой чеченской войны, генерал Владимир Шаманов. На очередных губернаторских выборах в декабре 2000 г. он одержал впечатляющую победу над Ю. Горячевым. Соотношение голосов избирателей, поданных за основных соперников, было следующим: В. Шаманов – 56,25%, Ю. Горячев – 23,48% при 70%-ной явке избирателей.

Такой политической активности Ульяновск не переживал давно, почти 10 лет – с тех пор, как жители города отстояли Ю. Горячева в качестве своего губернатора перед лицом «реформаторского» окружения Ельцина-Гайдара в конце 1991 г. Победа В. Шаманова и последовавшее за ней обновление структур областной администрации означают окончание эпохи Ю. Горячева, а вместе с этим появление надежд на рост общественной энергии и гражданской активности в регионе. Избирательная кампания стала действительно рискованным испытанием

¹ Симбирский курьер. 2000. 27 января.

для соискателей губернаторской власти, заставив их искать массовой поддержки граждан. Выборы продемонстрировали небывало низкий уровень манипулирования электоратом и фальсификации результатов.

В. Путин официально не поддерживал ни одного из кандидатов. Однако, судя по горячей поддержке, оказанной В. Шаманову на страницах «Российских вестей», администрация Президента России предпочла В. Шаманова Ю. Горячеву¹. Но здесь важно другое. Если президентская администрация при свержении губернатора Рябова в Тамбовской области имела ярко выраженную стратегическую цель (т.е. превращение самой «красной» области России в авангард централизационной реформы В.Путина), то президентская администрация, поддерживая «своего» генерала, не поставила перед ним никакой политической задачи.

Что касается партийно-политического сопровождения этих выборов, то для своей победы В.Шаманов опирался на такие различные общефедеральные партии, как КПРФ², ЛДПР и частично СПС. Однако главная сила, на которую он опирался и которая привела его к победе, была вне партий. Это представители финансово-промышленных группировок. Именно они предоставили генералу необходимые средства и технологии и стали впоследствии основными действующими лицами местной политической сцены, составив политическое окружение В. Шаманова после его победы на выборах.

После вступления в должность В. Шаманова в январе 2001 г. правящая элита области, составлявшая костяк команды Ю. Горячева, была отстранена от власти. На ключевые посты в управлении регионом пришли новые люди, плохо знакомые с местными проблемами и действующие в своих интересах. Так, из 10 заместителей губернатора 8 являются приезжими. Даже главы комитетов, управлений и отделов администрации более чем на 60% состоят из «варягов»³. При этом

¹ См.: Российские вести. 2000. 13-19 декабря. С.1. Это при том, что накануне выборов, 6 декабря 2000г. состоялась встреча Ю. Горячева и президента В. Путина в Кремле.

² Особенно последовательную антигорячевскую позицию заняли местные коммунисты. Ульяновский обком КПРФ жёстко заявил о «недопустимости очередного избрания Ю.Ф. Горячева главой администрации Ульяновской области, которой он руководит 13 лет, в течение которых наблюдалась стремительная её деградация». (Симбирские губернские ведомости. 2000. 1 декабря. С. 2).

³ Это произошло несмотря на предвыборные обещания В. Шаманова о том, что нашествия иногородних чиновников не будет: 90% его команды будет укомплектовано из ульяновцев.

надо отметить, что это люди «извне», а не «сверху». На сегодняшний день в обл администрации сформировалось пять группировок: группа военных (самая многочисленная и близкая к губернатору), самарская группа (сосредоточившая у себя ключевые должности замов губернатора по промышленности, транспорту и экономике), московско-клинская группа (ещё её называют «михалковской», т.к. её членов посадил в администрацию В. Шаманова кинорежиссёр Никита Михалков, который поддерживал генерала на губернаторских выборах и имеет в Ульяновской области свои интересы); группа «курян» (такое название она получила из-за того, что её ведущие члены в прошлом работали в администрации Александра Руцкого в Курске); ульяновская группа (остатки прежней горячевской администрации, представители которой ныне возглавляют самые проблемные отрасли региональной экономики, главным образом текущего жизнеобеспечения). Уровень их конкуренции друг с другом за ограниченные региональные ресурсы очень высок.

В последнее время крайне обострилась борьба губернаторских замов за право курировать предприятия и финансовые потоки в области. Если первоначально заезжие чиновники, объединившиеся вокруг В. Шаманова из-за стремления отеснить ульяновцев от власти, ещё держались вместе, то когда они достигли своей цели и расставили выходцев из Москвы, Самары и др. городов на более или менее выгодные должности, вплоть до охранников и водителей, они втянулись за ожесточённую борьбу за передел собственности ульяновских предприятий. Ульяновцы всё чаще говорят о том, что их «отпауасили конкистадоры» – подчинённые В. Шаманова¹. Все это говорит о том, что в кадровой политике В. Шаманова отсутствует влияние Москвы.

В результате всех изменений определяющим признаком нынешнего политического устройства Ульяновской области является неустойчивость его основных компонентов – властвующих группировок, крупных экономических и политических игроков. Различные фракции в окружении В. Шаманова вступили в борьбу за перераспределение оставшегося экономического потенциала области. Одновременно в Ульяновск хлынули новые собственники ведущих местных предприятий и

¹ Симбирские известия. 2001. 24 мая.

привезли с собой новых менеджеров¹. Как правило, они представляют конкурирующие между собой крупные финансово-промышленные группы, руководители которых, с одной стороны, держатся в стороне от шамановской команды, а, с другой, ведут переговоры с губернатором на равных. Автономность губернатора В. Шаманова становится всё более проблематичной в ситуации наплыва в область новых собственников и усугубления ресурсного кризиса в регионе. Пока преждевременно говорить об угрозе перманентной политической неустойчивости в Ульяновской области. Скорее всего, речь идёт о ситуативной нестабильности во взаимоотношениях группировок из губернаторского окружения и текущей нестабильности во взаимоотношениях политики различных уровней: федеральной, областной и городской.

Таким образом, несмотря на острую электоральную борьбу за пост губернатора области, можно отметить много общего между эпохами Ю. Горячева и В. Шаманова в их автономных отношениях с федеральным Центром. Главное состоит в том, что они оба предпочитают клановый стиль руководства использованию официальных партий. Как уже неоднократно отмечалось, эти факторы – две стороны одной медали.

При Ю. Горячеве (а сегодня и при В. Шаманове) характерно объединение верхов бюрократии и бизнеса в среде местного истеблишмента. Оно осуществлялось как на основе клановых и семейных принципов, так и напрямую – через соединение властных и предпринимательских функций в руках губернаторской команды. Социальная природа такого рода патроната, по словам М.Афанасьева, «обуславливает преобладание индивидуальных вертикальных связей как внутри господствующего слоя, так и между правящими и управляемыми»². Сегодня новый губернатор области В. Шаманов, стараясь играть роль «спасителя» и «героя» (хотя, как уже подчёркивалось, его политическая самостоятельность выглядит весьма ограниченной), не желает быть членом какой-либо партии и подчиняться партийной дисциплине. Как и его пред-

¹ Так, новым хозяином Ульяновского автозавода (УАЗа) является крупнейший российский холдинг «Северсталь», который возглавляет олигарх А. Мордашов. Другой олигарх, глава «Сибирского алюминия» Олег Дерипаска распоряжается Ульяновским моторным заводом. Холдинг «Новое Содружество» приобрёл контрольный пакет акций Ульяновского авиакомплекса «Авиастар». Другой внешний инвестор – холдинг «Сладко» приобрёл Ульяновскую кондитерскую фабрику «Волжанка».

² Афанасьев М. Политические партии в российских регионах // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 4. С. 173.

шественник, он противодействует возникновению политических учреждений, способных контролировать исполнительную власть региона.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Выбор и сравнение Краснодарского края и Ульяновской области интересны и поучительны во многих отношениях. Прежде всего они представляют собой противоположные примеры «нового географического порядка», с которым Россия столкнулась после распада СССР. В то время как Ульяновская область олицетворяет континентальную Россию, «задвинутую» на просторы евразийского Хартленда, Краснодарский край стал единственным южным «регионом-мостом», выводящим Россию к тёплым морям и внешним рынкам.

Не менее интересны параметры политического лидерства и партийного строительства в обоих регионах. Если в Краснодарском крае мы наблюдали историю превращения председателя крайисполкома Николая Игнатовича Кондратенко в «бабку Кондрата», лидера массового кубанского политического движения «Отечество», то в Ульяновской области налицо противоположная ситуация – трансформация политического бойца и «героя», бывшего губернатора Ульяновской области Юрия Горячева в авторитарного правителя.

В первой половине 90-х годов «красный» губернатор Ю.Горячев якобы противостоял федеральному Центру своей стратегией «мягкого вхождения в рынок». На самом же деле в это время у него не было активных взаимоотношений с Центром (даже противостояния), сравнимых с теми, что были у Н. Кондратенко в Краснодарском крае. Радикальную смену власти в области в 2000 г. нельзя считать реализацией путинского нового курса по отношению к регионам. Ульяновская область продолжает пользоваться пассивной автономией, поскольку она не представляет большой важности для федерального Центра¹. При та-

¹ В пользу этого вывода говорит и тот факт, что в течение всего 2001 г. президент В. Путин так и не нашёл возможности встретиться с губернатором В. Шамановым, несмотря на лоббистские усилия Никиты Михалкова и катастрофическое положение в экономике области.

ких инертных межполитических отношениях ни Ю. Горячев, ни В. Шаманов не считают необходимым создавать официальную партию, которая позволила бы области интегрироваться в федеральную политическую ситуацию.

Представленный материал подтверждает базовую концепцию проф. К. Маццато о том, что правящая элита, имеющая устойчивые политические позиции, не испытывает особого интереса к созданию или активизации официальных партий. Об этом свидетельствуют и результаты недавних выборов в Московскую городскую думу. Для победы на этих выборах, состоявшихся в конце 2001 г., команде Ю. Лужкова вполне хватило административного ресурса¹. Чаще всего партии создаются, когда активизируются межполитические отношения и меньшинство элиты бросает вызов большинству, желая либо защитить свои позиции, либо участвовать в политике более высокого уровня. Ключевую роль кубанского «Отечества» Н. Кондратенко в политической жизни Краснодарского края можно объяснить тем, что оно было орудием отпора политике ельцинского правительства на региональном уровне. С ликвидацией этих напряжённых межполитических отношений, после ухода Б. Ельцина из Кремля, а Н. Кондратенко – с поста губернатора края, резко уменьшилась политическая роль кубанского «Отечества». Думается, что события конца 2001 г. в Красноярском крае, связанные с выборами в Законодательное Собрание региона, лишний раз подтверждают эти выводы. Так, создав и возглавив оппозиционный блок «Наши», вновь избранный председатель Законодательного Собрания края Александр Усс сохранил свои позиции и как спикер, и как лидер оппозиции губернатору А. Лебедю. В аналогичном ключе можно рассматривать триумф на этих выборах так называемой «Северной партии», сформированной «Норильским никелем» накануне выборов. Возглавившему список этой партии губернатору Таймыра Александру Хлопонину такой результат дает хорошие перспективы для участия в предстоящей кампании по выборам губернатора края².

¹ Результаты выборов продемонстрировали следующую ситуацию. Возникший весной 2001 г. альянс «Единства» и «Отечества» означал прекращение напряжённых межполитических отношений между различными уровнями власти: Ю. Лужков окончательно отказался от претензий на роль общероссийского лидера, а Кремль взамен отказался от борьбы за Москву.

² См.: Российский региональный бюллетень Института Восток-Запад. Т. 4. № 1. 2002. 14 января.

Рассмотренные характеристики политического лидерства и принципы партийного строительства в Краснодарском крае способствовали тому, что Н. Кондратенко остался единственным мятежником среди всех российских губернаторов во второй половине 90-х годов. Этот момент сильно отличает Н. Кондратенко от большинства представителей губернаторского корпуса. Идея «спасаться в одиночку» присуща большинству из них, но никто не афиширует этого стремления открыто. Его поведение не укладывается в концепцию самотермидорианской трансформации, к которой часто обращаются российские и зарубежные исследователи¹. Согласно этой концепции любой политик-мятежник, претендующий на власть, получив её, становится стабильным авторитарным правителем. Трансформация заключается в переходе от радикального романтизма политических бойцов к самовосхвалению крепких хозяев. Завоёванные в ходе этой эволюции выгоды и привилегии нейтрализуют первоначальный пассионарный порыв, стабилизируя его в рамках бюрократической умеренности. Так случилось с ранними вождами российского регионализма, поднимавшими свои регионы против реформ Ельцина-Гайдара: М. Шаймиевым (Президент Татарстана), М. Рахимовым (Президент Башкирии), М. Николаевым (Президент Якутии), Ю. Горячевым (бывший губернатор Ульяновской области) и т.д. На таком фоне бывший краснодарский губернатор Н. Кондратенко – пример лидера, остающегося мятежником и после своих побед в 1996-1998 гг. Его победоносное возвращение во власть в результате выборов в 1996 г. привело к тому, что политический процесс, избирательные кампании в крае заметно поляризовались и идеологизировались. Произошла своего рода партийная мобилизация на основе персонального харизматического вождизма. Н. Кондратенко создал сильную избирательную и политическую машину продолжительного действия в виде упомянутого кубанского движения «Отечество». Таким образом, в отличие от большинства губернаторов и президентов российских регионов, которые к концу ельцинского правления «окопались» в «авторитарных заставах», Н. Кондратенко превратил Краснодарский край в «мятежную цитадель красного пояса».

¹ McFaul M., Petrov N. Russian Electoral Politics After Transition. Regional and National Assessments // Post-Soviet Geography and Economics. Vol. 38. 1997. № 9. P. 537. Мацузато К. Электоральная география в России – белый, красный, серый и взрывной пояса // Взрывной пояс-96. Российские регионы и электоральное поведение. / Под ред. К. Мацузато. Sapporo, Slavic Research Center. Hokkaido University, 1999. С. 21.

Пример Ульяновска, напротив, показывает, что определяющее значение в политической ситуации регионов имеют закономерности взаимодействия центров власти, а не логика партийности. В отличие от отчётливо выраженной идеологической сущности Н. Кондратенко политические установки ульяновских губернаторов Ю. Горячева и В. Шаманова были предельно размыты. Как и в большинстве провинций России, главным фактором, определяющим политическое пространство Ульяновской области, выступало и выступает отношение – причём сильно персонализированное – к реальным центрам власти.

**ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННАЯ ПАТРИМОНИЯ
И ФОРМИРОВАНИЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В УКРАИНЕ
– ОДЕССКАЯ, ЗАКАРПАТСКАЯ, ДОНЕЦКАЯ,
ДНЕПРОПЕТРОВСКАЯ ОБЛАСТИ –**

Кимитака Мацузато

доктор юридических наук,

профессор Центра

славянских исследований

университета Хоккайдо (г.Саппоро)

Введение

В данной работе региональная политика Украины рассматривается в двух плоскостях – формирование патримониального регионального боссизма и трансформация клановых элит в официальные политические партии. Создается впечатление, что эти два явления противоречат друг другу, поскольку в условиях боссизма правящая партия проводит выборы, опираясь на неофициальные ресурсы, и это препятствует развитию официальных партий. Даже в Японии, где официальные партии довольно развиты, большинство местных депутатов относятся к числу консервативных независимых. В бывшем СССР, где использование служебного положения во время выборов достигает огромных масштабов, эта тенденция еще более очевидна. Однако в украинской политической жизни официальные политические партии играют куда большую роль, чем в других странах бывшего СССР. Ключ к разгадке этого противоре-

чия дан в другой моей работе¹, но я намерен обратиться к нему во второй половине настоящего введения.

В данной работе рассматриваются 4 области – Одесская, Закарпатская, Донецкая и Днепропетровская. Они выбраны потому, что в результате умелой региональной политики президента Л. Кучмы в ходе выборов 1999 г. они стали для него источником электората. В том, что три области восточной и южной части страны, традиционно голосовавшие за левых кандидатов, вдруг поддержали Л. Кучму, нельзя не увидеть в первую очередь результат политического воздействия сверху (поскольку не может быть и речи об изменении настроения населения под влиянием экономической ситуации в Украине). Даже если поддержка Л. Кучмы в Закарпатье выглядит естественной, то получение им на выборах 84% голосов (четвертый показатель в Украине после трех областей Галиции) превосходит все ожидания, тем более, если вспомнить, что в 1997-1998 гг. эта область пережила серьезный политический кризис.

Фактологической основой для данной статьи явилась всеобъемлющая информация о политических событиях в 27 украинских областях, полученная в ходе работы над созданием интернет-сайта «Политическая элита в украинских регионах»².

Многие наблюдатели согласны, что сегодня в большинстве постсоветских стран сформировался своего рода патримониальный режим, который у журналистов принято называть «капитализм по брату» (*crony capitalism*, по выражению Джорджа Сороса), «семейно-чиновничья монополия» и т.д.³. Этот термин используется уже и в академической литературе⁴.

¹ Elites and the Party System of Zakarpattia Oblast: Relations among Levels of Party Systems in Ukraine / Paper presented at the VI ICCEES World Congress. Tampere, Finland, 29 July – 3 August 2000.

² <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/ukrregions/index.html>

Этот сайт разработан в рамках коллективных исследований «Региональная и субрегиональная политика в посткоммунистических странах» (апрель 1999 – март 2002) и «Политическая система Украины» (ноябрь 2000 – март 2002), осуществленных при финансовой помощи министерства образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии. В обоих проектах участвуют эксперты Центра социально-политических исследований при университете Киево-Могилянской Академии.

³ То, что украинские правые и левые осознают наличие в Украине своего рода патримонии, доказывают выступления руховцев, социалистов и высказывания Дж.Сороса в упомянутой работе «Elites and the Party System of Zakarpattia Oblast».

⁴ См., например: Гельман В. и др. Россия регионов: трансформация политических режимов. Москва, 2000.

Возможно, употребление термина «патримония», принадлежащего эпохе раннего нового времени, применительно к таким более или менее развитым индустриальным обществам, как посткоммунистические страны, выглядит антиисторичным, однако по крайней мере в отношении развивающихся стран мы можем найти у Йохана Линца использование термина «султанский политический режим»¹. С учетом особенностей посткоммунистического процесса есть основания полагать, что даже в государствах социально-экономически более развитых, чем развивающиеся страны, и не экспортирующих природные ресурсы (т.е. в принципе не описываемых определением «султанский режим») таких, как Кыргызстан и Украина, могут существовать своего рода патримонии.

Особенность современной патримонии состоит в том, что в ней условия для экономической деятельности (такие как кредитование, обеспечение материальными ресурсами, освоение рынков, доступ к международным финансовым институтам, защита от преступных организаций) монополизированы *политической* элитой. Другими словами, без внеэкономического покровительства политической элиты население не в состоянии заниматься предпринимательской деятельностью. И эта политическая элита во многих случаях делает основой формирования внутриэлитных отношений не столько реальные достижения каждого, сколько Gemeinschaft-ские принципы: родство, знакомство, патронаж. Так как в этом режиме преобретение имущества (а не его максимальная эксплуатация) становится самоцелью, смена руководства и реорганизация предприятий осуществляются с такой частотой, которая неестественна для стран, где прозрачность управления предприятиями (cooperative governance) почти отсутствует («перманентная приватизационная революция?»).

Господство политической элиты над экономикой означает чрезвычайное возрастание роли выборов. В этих условиях выборы не столько дают электорату реальный шанс сделать политический выбор, сколько решают проблемы боссов среднего уровня, которые занимаются мобилизацией голосов избирателей, используя свою электоральную способность, чтобы подавить противника и заключить сделку с вышестоящими боссами на более выгодных условиях. Поскольку получение концес-

¹ См.: Juan J.Linz. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Mass.: Addison-Wesley, 1975.

сий является главной движущей силой политической борьбы, эти режимы, пока это не чревато переворотом, неожиданно терпимы к принципиальной оппозиции (в частности, к компартиям этих стран) в то время как конфликты внутри элиты приобретают крайне жесткий характер. Так, в этих странах органы правосудия и избиркомы используются господствующими кланами в политических целях, в результате чего соперников внутри элиты лишают права на участие в выборах, заключают в тюрьму или изгоняют за пределы страны. Правда, в условиях, когда крупнейшей оппозиционной силой является коммунистическая партия, осуществить смену власти в масштабах страны почти невозможно, поскольку на время президентских выборов элита объединяется (то есть в кругах элиты существует полное единодушие относительно правил игры, включая такое крайнее средство, как политизированное использование правосудия и избиркомов). Можно полагать, что неожиданно демократическое проведение президентских выборов 1994 г. в Украине и губернаторских выборов в 1996-1997 гг. в России, а также последовавшая за ними смена власти были вызваны тем, что тогда патримония была лишь на полпути к формированию.

В большинстве посткоммунистических стран во время президентских выборов элита объединяется. Более того, в этих странах, за исключением России, действует система назначаемости глав региональных и местных администраций, а, следовательно, электорат не имеет свободы выбора правительства не только на общегосударственном, но и на региональном уровне. То есть в условиях современной патримонии, как и при патримонии вообще, власть воспроизводит сама себя.

Тенденция к самовоспроизведению власти и распространение сильной президентской системы в постсоветских государствах тесно связаны между собой. Джон Уиллертон и др. путем анализа указов президента РФ показал, что количество указов, касающихся непосредственно управления (т.е. без учета указов, например, о назначениях послов, награждениях), резко возросло перед выборами президента и после каждой смены команды Б. Ельцина. Это привело ученых к выводу, что смысл существования администрации президента заключается не в обычном управлении, а в самосохранении власти¹.

¹ William Mishler, John P. Willerton and Gordon B. Smith. Presidential Decrees and the «Hegemonic» Russian Presidency / Paper presented at the VI ICCEES Congress. Tampere, Finland, 3 August 2000.

На мой взгляд, администрация президента в постсоветских государствах является не просто органом, руководящим исполнительной властью, а наследником центральных комитетов компартий (союзной и республиканских). В небольших странах, как Татарстан и Кыргызстан, это наследование очевидно проявляется в преемственности здания, распределении кабинетов, организационной структуре, номерах телефонов и других деталях, что не может не вызвать улыбки наблюдателей. В крупных странах вроде России дело обстоит не так просто, но и здесь администрация президента, как и бывший ЦК компартии, доверяя текущую политику правительству, сама сосредоточивается на задачах по самозащите власти, таких как выработка стратегии и работа с кадрами. Иными словами, в постсоветских странах действует разделение не трех, а четырех властей.

Если современная патримония является содержанием власти, то ее форма – касикизм. Это такая система, при которой местные боссы образуют иерархию на основе электоральной способности каждого. Нижестоящий босс мобилизует голоса в поддержку вышестоящего, а последний оказывает протекцию нижестоящему в соответствии с размером его вклада. Такие правила игры объясняют, почему выборы продолжают играть чрезвычайно важную роль в России и в Украине, несмотря на слабое развитие плюрализма в этих странах. Поскольку в странах Центральной Азии роль выборов снижается, к их режимам трудно применить понятие «касикизм». Их следует рассматривать как сочетание современной патримонии с более классическим авторитаризмом.

Возникает естественный вопрос, можно ли говорить о касикизме применительно к политическим режимам Украины и Татарстана, где выборы проводятся лишь на общегосударственном и самом низовом уровне, а главы среднего уровня (областей, районов) назначаются. Подробно я рассматриваю этот вопрос в других работах¹, но, коротко говоря, в этих странах президенты и губернаторы назначают глав администраций из числа местных боссов, которые затем обязаны оправдать себя, оказывая помощь вышестоящим руководителям во время выборов об-

¹ Local Reforms in Ukraine 1990-1998: Elite and Institutions / O. Ieda (ed.) // The Emerging Local Governments in Eastern Europe and Russia. Hiroshima, 2000. С. 25-54; From Ethno-Bonapartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1990-2000 // The Journal of Communist Studies & Transition Politics. 2001. December. С. 43-77.

щегосударственного (или общереспубликанского) уровня¹. Следовательно, такую систему можно рассматривать как особую форму касикизма, называемую централизованным касикизмом. Другими словами, централизованный касикизм внешне выступает как унитарный режим, а на деле представляет собой режим деконцентрации власти. Кроме того, под внешним обликом системы назначений сверху вниз обнаруживается строй, при котором политика на среднем уровне также фактически подвержена влиянию результатов выборов.

Современная патримония, сформировавшаяся в украинских регионах, подразделяется на патримонию старого и нового поколений. Патримония старого поколения – это случаи, когда руководители коммунистического периода непосредственно приспособились к капитализму (Одесская область до 1996 г., Закарпатская область и др.), в России ее аналогами являются режимы Ю. Горячева (Ульяновская область) и М. Шаймиева (Татарстан). Новое поколение – это новые капиталисты и бизнесмены, не имевшие номенклатурного прошлого, которые воспользовались в основном местными выборами 1994 г. и пришли к власти в регионах и городах². По сравнению с Россией, где даже классический реформаторско-авторитарный режим Ю. Лужкова (Москва), режимы Э. Росселя (Свердловская область) и К. Титова (Самарская область) опираются на представителей как старого, так и нового поколений с преобладанием старого, в украинских так называемых прогрессивных регионах смена поколений была более резкой. Видимо, это произошло потому, что экономический кризис 1992-1993 гг. и местные выборы 1994 г. лишили старое поколение преемственности (нужно иметь в виду, что в России с весны 1990 г. по декабрь 1996 г. в течение 7 лет выборы местных органов исполнительной власти не проводились).

Отметим, что в поведении старого и нового поколений различий почти нет. Старое поколение также поддерживает связи с преступным

¹ Как уже отмечалось, Л. Кучма отправил в отставку 15 губернаторов, которые на выборах в Верховный Совет Украины весной 1998 г. не смогли мобилизовать желаемое количество голосов в поддержку пропрезидентской партии – Народно-демократической. Л. Кучма повторяет подобную практику между первым и вторым турами выборов президента Украины 1999 г.

² В конце 1998 г. мэр Ужгорода Степан Сембер, ставший в том году мэром, в интервью со мной вспомнил, что после острого экономического кризиса (1992-1993) считалось, что «тот, кто стал богатым, может сделать богатыми других» (23 декабря 1998 г., Ужгород).

миром и направляет так называемую мафию против непокорных, в то время как новое поколение так или иначе осваивает номенклатурную этику (оказывая патриархальное покровительство слабым слоям общества, формируя пропагандистские органы, стараясь спрятать свои клановые связи под видимостью меритократии).

Главным образом из-за неясности перспектив президентских выборов 1999 г. в ряде областей Украины с 1996 по 1998 гг. обострилась политическая конкуренция. Можно сказать, что в процессе формирования патримонии межклановая борьба естественна, но, с другой стороны, укоренение патримонии запоздало из-за этой борьбы. Опираясь на четыре примера, рассматриваемых в данной работе, можно сказать, что в Одесской и Закарпатской областях старые партийные кадры – выходцы из районов приспособились к рыночной экономике, победили на губернаторских выборах 1994 г. и чуть не установили патримонию старого поколения. Однако впоследствии против них выступила элита региональных столиц, представляющая новое поколение. Противостояние элиты областей и областных центров – картина, часто наблюдаемая не только в Украине, но и в России 1990-х годов. В обоих регионах в 1997-1998 гг. эти конфликты обострились в связи с переформированием региональных элит, осознавших приближение президентских выборов. Умело справившись с этими конфликтами, на президентских выборах 1999 г. Л. Кучма сумел завоевать электорат этих областей.

Донецкая и Днепропетровская области традиционно соперничают друг с другом и в политической истории представляют собой две стороны одной медали. В Донецкой области победивший на губернаторских выборах 1994 г. бизнесмен из областного центра (бывший вице-мер) Владимир Щербань до 1996 г. формировал, казалось бы, патримонию нового поколения. Однако в это время днепропетровский клан, выдвинувший в Киеве премьера Павла Лазаренко и находившийся в зените власти, стремясь колонизировать Донецкую область, сверг В. Щербаня и поставил губернатором своего человека.

Однако не прошло и года, как П. Лазаренко поссорился с Л. Кучмой и потерял свой пост, а Донецкая область вновь обрела своего губернатора, и недовольство Киева обратилось уже на Днепропетровскую область. Л. Кучма, будучи выходцем с Южного машиностроительного завода (Южмаш), то есть из Днепропетровска, имел определенные ры-

чаги воздействия на областную элиту. Однако опираясь на выходцев из Южмаша – политиков небольшого масштаба, Л. Кучма не мог соперничать с П. Лазаренко, который с 1990 г. неумоимо создавал свою вотчину, и в 1998 г. на выборах в Верховный Совет Украины «Громада» (партия П. Лазаренко) одержала убедительную победу в Днепропетровской области. Затем на выборах председателя облсовета прокиевская группа потерпела поражение, и председатель был выбран из фракции П. Лазаренко. В результате этого поражения усилилась кампания под лозунгом «Лазаренко – преступник», и П. Лазаренко пришлось бежать из страны. С другой стороны, Л. Кучма понимал, что ему не справиться с днепропетровской элитой, если продолжать опираться только на своих людей, и в апреле 1999 г. он назначил губернатором днепропетровского мэра. Эта политика «кнута и пряника» принесла свои плоды, днепропетровская элита в конце концов распрощалась с П. Лазаренко и стала активно поддерживать Л. Кучму. Этот процесс «укрепления позиций под влиянием невзгод» заставляет вспомнить взаимоотношения между свердловской элитой и Б. Ельциным в 1993-1996 гг.

С другой стороны, с 1997 г. (после снятия губернатора, близкого П. Лазаренко) в Донецкой области под началом нового руководителя Виктора Януковича сформировалась патримония нового поколения, и область избавилась от бесславной репутации оплота КПУ. С мая 1999 г. губернатор В. Янукович совершенно противозаконно занял одновременно и пост председателя облсовета. Говорят, это явилось следствием того, что ему хотелось получить влияние на создаваемую в этой области особую экономическую зону. Сам В. Щербань после почти трех лет гонений в марте 1999 г. был назначен губернатором Сумской области. Таким образом, Л. Кучма рассчитывал поставить под свой контроль Сумскую область, которая была опорой его влиятельного противника на предстоявших президентских выборах – Натальи Витренко (Прогрессивная социалистическая партия). Действительно, В. Щербань быстро переориентировал население Сумской области на поддержку Л. Кучмы. Вообще, донецкая элита в силу своей неприязни к П. Лазаренко простила Л. Кучме его поведение в 1996 г. Политика Л. Кучмы в отношении Донецка и Днепропетровска является классическим образцом использования принципа «разделяй и властвуй», и это стало возможным благодаря традиционному соперничеству двух областей.

Как уже отмечалось, в украинской политике официальные партии играют большую роль, чем в российской. Это подтверждается влиятельностью Социал-Демократической партии Украины (объединенной), получившей поддержку в Закарпатье, днепропетровской «Громады» (партии П. Лазаренко), пропрезидентской Аграрной партии Украины в Одесской области, донецкой Либеральной партии Украины (партии В. Щербаня) и «Союза единства, согласия и возрождения» (партии В. Януковича). Из них «Союз единства, согласия и возрождения» представляет собой лишь конъюнктурную личную партию губернатора, какие часто встречаются и в России, однако СДПУ(о) и «Громада» – настоящие организованные политические партии, а ЛПУ находится между этими полюсами.

На первый взгляд удивительно, что в Украине официальные политические партии получили такое развитие. В этой стране патримония, т.е. господство местных боссов, развито даже сильнее, чем в России. К тому же, в отличие от других посткоммунистических стран, действовавшая в Украине вплоть до 1998 г. чисто мажоритарная избирательная система должна была препятствовать формированию партий. Неожиданное развитие политических партий в Украине объясняется прежде всего тем, что там гораздо теснее взаимодействие между политическими акторами различных уровней (центрального, регионального и субрегионального), чем в России с ее федерализмом и развитым местным самоуправлением. Не только в Украине, но и повсюду клановое объединение элиты часто превращается в официальную партию при условии активизации взаимодействий между различными уровнями партийной системы.

Наблюдая за превращением клановых элит в официальные политические партии, нельзя не обратить внимание также и на то, что в Украине в 1994 г. и 1998-1999 гг. общегосударственные, региональные и субрегиональные выборы проводились одновременно или почти одновременно. Как указывает Питер Ордешук, одновременное проведение выборов различных уровней усиливает у политиков различных уровней, принадлежащих к одной партии, ощущение единства интересов и способствует формированию партийных систем в общегосударственном масштабе¹. Проще говоря, при одновременном проведении общегосу-

¹ Ordeshook, Peter C. Russia's Party System: Is Russian Federalism Viable? // Post-Soviet Affairs. 1996. С. 195-217.

дарственных и местных выборов создаются условия, когда, например, кандидат в мэры от определенной партии считает выгодным для себя работать на победу кандидата в президенты от своей партии. Эта тенденция была особенно очевидной на выборах в марте 1998 г. Тогда одновременно проводились выборы депутатов Верховного Совета Украины, областных советов, мэров городов и депутатов городских и районных Советов и все это вместе считалось генеральной репетицией президентских выборов следующего года. Как показывают примеры Закарпатья и Днепропетровщины, это стало движущей силой происходившей в общегосударственном масштабе перестройки взаимоотношений региональных и субрегиональных элит по оси «сторонник – противник Л. Кучмы». Выборы в Верховный Совет Украины в марте 1994 г. также рассматривались как репетиция состоявшихся три месяца спустя выборов председателей областных советов (губернаторов). Это происходило потому, что многие претенденты на губернаторское кресло выдвинули свои кандидатуры и в Верховный Совет, и справедливо считалось, что кандидат, который не прошел выборы в Верховный Совет, не может рассчитывать на избрание губернатором. Таким образом, в Украине часто выборы одного уровня становятся пробой сил перед выборами другого уровня, и это укрепляет отношения между политиками различных уровней, а, следовательно, и способствует развитию официальной партийной системы. В отличие от этого, в России генеральной репетицией президентских выборов 1996 и 2000 гг. стали только выборы в Государственную думу РФ, проходившие соответственно в конце 1995 и 1999 гг. Иначе говоря, в России только федеральные выборы рассматривались как проба сил перед другими (правда, более важными) федеральными выборами. Разумеется, это не приводит к активизации взаимодействий между политиками разных уровней.

Японский политолог-американист Хироси Окаяма предлагает разделять совокупность явлений, определяемых по инерции как «региональная политика», на две части – комплекс политических действий, разворачивающихся в определенном регионе («политика регионального масштаба»), и политику, касающуюся именно правления данного региона («политика регионального уровня»). В данной работе ради простоты вместо выражения Х. Окаямы «политика регионального уровня» я намерен употреблять выражение «чисто внутрирегиональная политика».

С учетом этого складывается следующая формула:

политика в региональном масштабе = чисто внутрорегиональная политика + проявление общегосударственной политики в данном регионе.

Для еще большей простоты назовем «проявление общегосударственной политики в данном регионе» «общегосударственной политикой в регионе», то есть складывается следующая формула:

политика в региональном масштабе = чисто внутрорегиональная политика + общегосударственная политика в регионе.

Далее, Х. Окаяма утверждает, что при рассмотрении межполитических отношений не подходят традиционные координаты централизации и децентрализации, скорее, следует принимать во внимание степень автономности региона. Наверное, большинство регионологов, изучающих посткоммунистическое пространство, согласятся с мнением Х. Окаяма. Применительно к приведенной выше формуле можно сказать, что политика в региональном масштабе теряет автономность тогда, когда предметы спора, раньше не выходявшие за рамки «чисто внутрорегиональной политики», переходят в сферу «общегосударственной политики в регионе». Это одновременно означает активизацию межполитических отношений. Например, если губернатор Закарпатской области и мэр ее столицы Ужгорода борются друг с другом только за власть и собственность, это всего лишь чисто внутриобластная политика. Если же один из них или оба они втягивают в областной конфликт политиков из центра, лоббируют изменение законодательства страны в выгодную для себя сторону, то здесь просматриваются признаки превращения чисто внутриобластной политики в общегосударственную политику в области.

С этой точки зрения рассматриваемые здесь четыре региона представляют хороший контраст. Прежде всего, Донецкая и Днепропетровская области имеют ту особенность, что в них за последние 10 лет не возникало серьезных расколов и противоречий внутри элиты. Вследствие ухудшения отношений элиты этих областей с Киевом (донецкой элиты в 1996-1997 гг., а днепропетровской – в 1997-1999 гг.) их чисто внутриобластная политика вовлекалась в общегосударственную. В это время Л. Кучма пытался вбить клин в областную элиту, создать прокиевскую группировку, но не сумел это сделать. Реакцией элиты этих

областей было единение, стремление «переждать бурю в укрытии». Иначе говоря, в результате атаки Киева областная политика лишилась автономности, но распрей внутри областной элиты не возникло. В этих условиях официальные политические партии выполняют лишь роль регулятора межполитических отношений. Либеральная партия В. Щербаня была создана для укрепления его позиций в общенациональной политике. Поэтому она потеряла свое влияние, когда В. Щербань перенес центр своей политической деятельности в Сумскую область. П. Лазаренковская «Громада» служила стеной, оберегавшей сплоченную днепропетровскую областную элиту от атаки Киева. Когда днепропетровская элита отвернулась от П. Лазаренко и защита от Киева стала ненужной, эта партия также распалась.

С другой стороны, в Одесской и Закарпатской областях возникли конфликты между элитами областей и областных центров. Однако если в Закарпатской области конфликтующие стороны объединились с политиками Центра, в результате чего за почти два года чисто внутриобластная политика органически переросла в общегосударственную политику в регионе, то в Одесской области и в 1998 г. конфликт между областью и областным центром оставался в рамках чисто внутриобластной политики¹. Вмешательство Центра, действия Л. Кучмы завершились спорадическими актами снятия с постов губернатора и мэра Одессы. Это не способствовало увеличению веса официальных партий в одесской областной политике. Можно составить следующую таблицу:

Регионы	Условия для развития политических партий	
	Конкуренентность политики	Активизация межполитических отношений
Донецкая область	X	O
Днепропетровская область	X	O
Одесская область	O	X
Закарпатская область	O	O

Таким образом, условия для развития политических партий в смысле соревновательного плюрализма сложились только в Закарпатской области.

¹ Политика Приморского края близка политике Одессы. Поэтому и здесь элита остается клановым образованием.

1. Одесская область

Столица Одесской области город Одесса – важнейший порт на Черном море и один из крупнейших городов Украины. Екатерина II, захватив южную Украину у Османской Турции, именно в этом городе учредила новороссийское генерал-губернаторство. Одесскую область колонизировали жители центральных районов России и Украины, одновременно поощрялась иммиграция населения из Бессарабии и юго-восточной Европы, разрешалось поселение евреев. По стереотипу многих украинцев, Одесса – это «город евреев и цыган»¹. Одесса – культурный город с яркой исторической спецификой, он до сих пор продолжает рождать артистов и музыкантов, известных в масштабах СНГ. Как и положено портовым городам, здесь бурно развивается малый бизнес.

Одесская область – классический регион «ворот» (gateway region). Как правило, такие регионы поляризуются, рождая сообщества либо с самоуправным духом в стиле фронта на американском Западе (Приморье, Отару), либо даже более бюрократизированные, чем во внутренних регионах страны (Хабаровск, Калининград, Хакодате). Одесса относится к числу первых².

В Одессе живет подавляющая часть населения области, это город высокой экономической активности и больших налоговых поступлений, от области он мало зависит. Можно сказать, что Одесса занимает положение, подобное положению Киева и Севастополя – городов республиканского значения, не только потому, что это выдающийся город, но и потому, что в области нет больше важных городов (альтернативных центров) и она представляет собой ничем не примечательный аграрный регион. В этом ее отличие от Закарпатья и Приморья, которые также являются регионами «ворот» с большим демографическим или культурным удельным весом столиц, однако имеют альтернативные центры.

¹ По переписи 1989 г. население Одесской области составляло 2 620 тыс. человек, среди них украинцев – 1 430 тыс., русских – 720 тыс., болгар – 166 тыс., молдаван – 145 тыс., евреев – 69 тыс., гагаузов – 27 тыс., белорусов – 21 тыс. (Статистический комитет СНГ. Итоги всесоюзной переписи населения 1989 года. Т. VII. Ч.2. С. 100).

² Об определении регионов «ворот» см.: Elites and the Party System of Zakarpattia Oblast...

1.1. Эпоха Р. Боделана (1990-1992)

Как и во многих регионах СССР, весной 1990 г. «консервативному» партийному руководителю области пришлось уйти в отставку. Это был первый секретарь обкома компартии Георгий Крючков 1929 года рождения, бывший юрист, с 1960 г. работавший в партийных органах. В 1988 г. он возвратился из ЦК КПСС в Одессу в качестве первого секретаря обкома, но в апреле 1990 г. ушел на пенсию в возрасте 61 года вслед за Щербицким (в сентябре 1989 г.). Однако Г. Крючков твердо придерживался левых позиций и в 1998 г. как член ЦК КПУ был избран в Верховный Совет Украины, вернувшись к политической жизни в возрасте 69 лет. Сейчас Г. Крючкова называют одним из наиболее влиятельных руководителей КПУ.

В качестве преемника Г. Крючкова 3 апреля 1990 г. на пленуме обкома КПУ был избран секретарь обкома Руслан Боделан. Р. Боделан родился в 1942 г. в одном из районов Одесской области, работал учителем, а с 1964 г. занимал должности в комсомольских, партийных и советских органах. Накануне избрания первым секретарем он провалился на выборах в Верховный Совет Украины, но в тех условиях это было неизбежно. Р. Боделан был избран в областной совет, а через два дня после избрания первым секретарем в соответствии с горбачевской политикой совмещения должностей в результате альтернативных выборов стал председателем облсовета. В декабре того же года на основании закона УССР о местном самоуправлении Р. Боделан занял и пост председателя облисполкома. При этом он не оставил партийную работу и до роспуска КПСС оставался первым секретарем.

1.2. Эпоха Ильина-Боделана (1992-1994), мягкая автономия

В связи с введением в марте 1992 г. должности представителя президента (губернатора) в области президент Л. Кравчук обошел слишком тесно связанного с бывшей КПУ Р. Боделана и назначил полномочным представителем своего хорошего друга, председателя одесского горисполкома с 1983 г. П. Симоненко (1940 г. р.). Р. Боделан,

сохранивший за собой только должность председателя облсовета, несколько восполнил потерю тем, что осенью того же года после выдвижения своей кандидатуры на дополнительных выборах в Верховный Совет Украины в Кирийском избирательном округе победил в первом туре, получив 69,4% голосов. Кирийский район находится на самом юге области, около румынской границы, и районную администрацию возглавлял младший брат Р. Боделана. Весной 1994 г. Р. Боделан был вновь избран в Верховный Совет от того же округа и предпринял последние шаги к возвращению на губернаторскую должность.

Губернатор П. Симоненко был способным руководителем, и через четыре месяца после назначения (в июле 1992 г.) он был отозван в Киев на должность вице-преьера. В качестве своего преемника на посту губернатора он выдвинул своего заместителя еще со времени работы мэром Одессы (с весны 1990 г.) Владлена Ильина (1937 г.р.). В. Ильин – хороший хозяйственник, но он не имел своей стратегии, кроме того, его трудно назвать харизматической личностью. Его назначение на губернаторский пост, несомненно, задело Р. Боделана, и отношения Р. Боделана с Симоненко-Ильиным сложились по банальной схеме «консервативный руководитель из района – прогрессивный руководитель из столицы региона». Тем не менее, они говорили на общем языке старой номенклатуры, и в этот период отношения между законодательной и исполнительной властью складывались нормально.

1.3. Патримония поколения Р. Боделана и вызов одесского мэра, региональная политика автономна

В июне 1994 г. выборы председателя облсовета (губернатора) превратились в столкновение бывшего (Р. Боделан) и действующего (В. Ильин) губернаторов. Р. Боделан в первом туре собрал 57,96% голосов против 24,88% у В. Ильина и одержал убедительную победу. В это время СПУ и КПУ поддержали Р. Боделана, но подобно тому, как избранный при поддержке социалистов и коммунистов Л.Кучма после выборов на 180° поменял свои взгляды, Р. Боделан примкнул в Верховном Совете Украины к фракции «Конституционный центр», поддерживавшей президентский проект

конституции Украины. В 1995 г. в соответствии с конституционным договором между президентом и Верховным Советом Л. Кучма назначил Р. Боделана на пост главы областной государственной администрации.

В качестве примера формирования патримонии при губернаторе Р. Боделане можно привести тот факт, что областная администрация стала обязательным посредником при получении в соответствии с сельскохозяйственной программой администрации кредита Берлинского банка на сумму 25 млн марок. Иначе говоря, предприниматели не могли напрямую (минуя областную администрацию) просить финансирования в Берлинском банке. Далее, при заключении соглашения о финансировании между областной администрацией и UNIDO в список «наиболее конкурентоспособных предприятий области» были включены только те предприятия, хозяева которых принесли клятву верности Р. Боделану. Значительно более крупные суммы фигурировали в борьбе за концессионные права на Южный порт, через который должен был быть осуществиться реэкспорт импортированной из России нефти. Губернатор Р. Боделан, областной прокурор и начальник областного управления МВД объединились вокруг предприятия «Укртранснефть». Мэр Одессы Эдуард Гурвиц поддержал новую компанию – «Укрнефтьтерма». Э. Гурвиц – еврей 1948 года рождения, в социалистические времена проявил свои способности как руководитель студенческого стройотряда. В период перестройки получил известность, создав компанию «Экополис», занимавшуюся экологическими и географическими исследованиями. В КПСС не состоял.

После демократических выборов 1990 г. Э. Гурвиц стал председателем Октябрьского райсовета г. Одессы, выступив против номенклатуры и Р. Боделана. Как уже отмечалось, на местных выборах 1994 г. в Украине многие бизнесмены стали мэрами (иногда даже губернаторами), и Э. Гурвиц был одним из них. Став мэром Одессы, Э. Гурвиц, пользуясь удобным географическим положением города, активно проводил приватизацию, поддерживал малый бизнес. Его политика самообеспечения города продовольствием была невыгодна сельскохозяйственным кругам области, поэтому отношения между мэрией и областной администрацией, т.е. кланом Р. Боделана, становились все хуже. Сначала губернатор Р. Боделан противодействовал городу в финансовых делах, а позднее чуть ли не до насилия дошли столкновения вокруг транспортировки и реэкспорта нефти.

Э. Гурвиц как представитель чистых демократов недолюбливал Л. Кучму и сотрудничал с НРУ (Рухом) и СПУ О. Мороза. Своей карьерой

ерой и политическими позициями он напоминает мэра Ужгорода Сергея Ратушняка. Л. Кучма, похоже, считал симпатизирующего левым, но приспособленца Р. Боделана меньшим злом, чем реформатора и чистоплюя Э. Гурвица. После принятия Конституции Украины 1996 г. Л. Кучма стал увольнять ненадежных с точки зрения преданности ему губернаторов, но Р. Боделана он оставил на посту. Это произошло потому, что Р. Боделан продемонстрировал свою преданность, способствуя принятию проекта конституции, представленного Л. Кучмой. Кроме этого, на него делалась ставка как на противовес Э. Гурвицу.

Используя свою власть над областными органами суда и правоохранительными органами, Р. Боделан начал кампанию «Гурвиц – преступник» и стал оказывать давление на поддерживавшие мэра телевизионные и радиостанции. Сам Э. Гурвиц обладал неприкосновенностью как депутат Верховного Совета Украины, но окружение Э. Гурвица подверглось судебному преследованию. В 1998 г. на выборах депутатов ВС Украины, областного совета и мэра Одессы разгорелась борьба между областью и областной столицей. Чтобы ликвидировать группировку Э. Гурвица и поставить область под свой безраздельный контроль, Р. Боделан, будучи действующим губернатором, выдвинул свою кандидатуру на пост мэра (что совершенно противозаконно)¹.

До выборов 1998 г. губернатор Р. Боделан вступил в близкую к президенту Аграрную партию Украины² и занял пятое место в партийном списке, но АПУ набрала чуть больше 3% голосов, и Р. Боделан не получил депутатского мандата. И Р. Боделан, и Э. Гурвиц пытались получить свое место в общегосударственной политике, но это происходило значительно мягче, чем в Закарпатье.

¹ Кроме того, статус мэра Одессы, который в отличие от статуса назначаемого (и поэтому в любое время освобождаемого президентом от занимаемой должности) губернатора гарантирован на 4 года после выборов, был крайне привлекателен для Р. Боделана, которому приходилось прикладывать отчаянные усилия, чтобы удержаться в кресле власти в 1992, 1995 и 1996 гг.

² В Украине – две аграрные партии: одна – левая, Селянская партия, ее глава – бывший председатель Верховного Совета Ткаченко; и другая – пропрезидентская Аграрная партия. Здесь речь идет о последней. Препрезидентская АПУ образовалась в конце 1996 г. Ее нынешний руководитель – бывший губернатор Львовской области, занимающий сейчас пост вице-премьера, отвечающего за сельское хозяйство, Михаил Гладий. Она была создана как партия власти в сельских районах и на Западной Украине, где уровень урбанизации невысок. Поэтому на выборах она ведет себя точно так же, как Народно-демократическая партия.

За 6 дней до голосования, 23 марта комитет по вопросам борьбы с организованной преступностью и коррупцией при Одесской областной государственной администрации обратился к Президенту Украины с просьбой отстранить Э. Гурвица от занимаемой им должности. За день до выборов Малиновский районный суд г. Одессы вынес решение об исключении Э. Гурвица из избирательных бюллетеней на пост мэра. Примеры подобных судебных решений можно видеть в других регионах «вороты», в которых конфликты решаются, как правило, силовыми методами (в Закарпатье и Приморье). Однако одесский городской избирком оказался менее «оперативным», чем избиркомы упомянутых регионов, и не успел ко дню выборов реализовать это решение. В результате выборов Э. Гурвиц получил 48,8%, а Р. Боделан – 33,8% голосов (в выборах участвовало 61,3% избирателей). Победил действующий мэр.

Поскольку одновременные выборы весной 1998 г. не изменили патовой ситуации в Одесской области, вмешался Л. Кучма. Направленные Л. Кучмой в Одессу премьер-министр В. Пустовойтенко и советник президента Евгений Кушнарев провели беседу с местными руководителями, на которой многие из них высказались за введение в Одессе президентского правления. Двадцать шестого мая Л. Кучма освободил Р. Боделана от должности губернатора, а на его место назначил первого вице-губернатора Сергея Гриневецкого. Затем 28 мая одесский городской избирком объявил мартовские выборы мэра недействительными. Вслед за этим Л. Кучма вместо Э. Гурвица назначил временно исполняющим обязанности мэра вице-преьера Украины Николая Билоблодского. Этот факт лишний раз свидетельствует о высоком статусе Одессы.

1.4. Нормализация ситуации при губернаторе С. Гриневецком (1998-), вхождение в общегосударственную политику благодаря президентским выборам

Уволенный из губернаторов Р. Боделан выдвинул свою кандидатуру на повторных выборах мэра Одессы 23 августа. Городской избирком отказал в регистрации Э. Гурвица в качестве кандидата. В условиях низкой (36,8%) активности избирателей Р. Боделан набрал 36,7% голо-

сов и добился долгожданной должности мэра Одессы. Последователь Э. Гурвица, кандидат от Социалистической партии Украины занял второе место с 27,4% голосов.

Новый губернатор С. Гриновецкий (1957 г.р.) начинал карьеру в комсомольских и партийных органах Одесской области, после роспуска КПСС управлял предприятием, в 1995 г. был назначен вице-губернатором, а на следующий год – первым вице-губернатором. В 1998 г. избран депутатом Верховного Совета Украины. В марте 1999 г. С. Гриновецкий, желая посвятить себя работе губернатора, отказался от депутатского мандата и вступил в НДП. С. Гриновецкий быстро стабилизировал положение в области, о чем свидетельствует тот факт, что в первом туре голосования на президентских выборах в традиционно поддерживавшей левых Одесской области Л. Кучма с большим отрывом опередил Петра Симоненко (соответственно 36,9% и 24,8% голосов).

После смены власти в 1998 г. отношения между Одессой и областью нормализовались. На должности губернатора оказался бывший подчиненный Р. Боделана, сам Р. Боделан получил должность мэра, не уступаящую его прежнему посту, и для всех, кроме Э. Гурвица, ситуация завершилась гладко. Как уже отмечалось, Р. Боделан вступил в близкую президенту АПУ, и к президентским выборам в Одессе сложилась ситуация, очень радовавшая Л. Кучму, когда мэр и губернатор соревновались в преданности президенту.

2. Закарпатская область

Закарпатская область, как свидетельствует ее название, является единственным регионом, расположенным по ту сторону Карпатского хребта, где большинство населения составляют восточные славяне. Поэтому начиная с X века она находилась под властью Венгрии, Чехословакии и других центральноевропейских государств и вдоволь испытала тяготы иноземного господства. Только в XX веке Закарпатье четырежды меняло государственную принадлежность (габсбургская Венгрия, Чехословакия, карпатская Украина, СССР, независимая Украина). В каждый из этих периодов область была и остается одной из самых бедных. Закарпатье – многонациональный регион. Большинство насе-

ления составляют украинцы (78%), затем венгры (12,5%) и русские (около 4% по переписи населения 1989 г.). Также в нем проживают словаки, румыны, поляки, евреи, цыгане¹. Эти исторические и географические особенности создали особую ментальность, которую можно назвать местническим интернационализмом. Иными словами, житель Закарпаття, к какой бы национальности он ни принадлежал и на каком бы языке ни говорил, не подвергается дискриминации, а любой инородец, независимо от национальности и языка, воспринимается как чужак².

2.1. Восстановление областной автономии и эпоха Волощука-Крайло (1990-1994)

В 1980 г. Закарпатской областью руководил первый секретарь обкома КПСС Генрих Бандровский. Выходец с правобережной Украины, он был до этого первым секретарем львовского горкома, то есть для закарпатцев он оказался чужаком, поэтому, несмотря на его умелое руководство и заслуги, отношения с местной элитой у него были натянутыми. Пользуясь демократизацией (свободой критиковать власти) периода перестройки, местная элита в феврале 1990 г. изгнала Г. Бандровского из обкома. Таким образом, местная элита после почти десяти-

¹ По переписи 1989 г. население области составляло 1 250 тыс. человек, из них украинцев – 980 тыс., венгров – 160 тыс., русских – 50 тыс., румын – 29 тыс., словаков – 7 тыс. (Итоги всесоюзной.... С. 54). В отличие от других регионов Украины, где повсеместно вторую по численности группу населения составляют русские, здесь на втором месте венгры.

² К тому же, Закарпатье – традиционно прорусский и в значительной степени русскоговорящий регион, несмотря на то, что здесь русское население по численности незначительно. Дело в том, что на протяжении тяжелой истории иноземного господства за Россией (Москвой) утвердился образ далекого спасителя восточных славян – православных. Кроме того, для венгров, румын, словаков и представителей других национальностей (не восточных славян) русский язык в качестве общепризнанного международного языка не мог не стать языком межнационального общения в отличие от украинского, являющегося лишь национальным языком. Западная Украина считается националистической, однако это относится только к трем областям Галиции, находившимся раньше под австрийским и польским господством. Закарпатье, принадлежавшее раньше Венгрии и Чехословакии, и Буковина (Черновицкая область), входившая в состав Австрии и Румынии, имеют более терпимые политические традиции.

тилетнего перерыва вернула себе привилегию выдвигать руководящие кадры. После столкновения с Г. Бандровским работавший в должности проректора Ужгородского университета бывший председатель облисполкома Михаил Волошук был избран на должность первого секретаря обкома, а затем – председателя облсовета. В конце того же года в соответствии с законом о местном самоуправлении УССР М. Волошук занял также и должность председателя облисполкома. После критики за оппортунистическую позицию, занятую во время августовской попытки переворота, М. Волошук оставил должности председателей облсовета и облисполкома в пользу своего заместителя Михаила Крайло. В целом после изгнания Г. Бандровского перестановка закавказских элит была поэтапной и эволюционной.

Напротив, городской совет Ужгорода был под председательством радикального демократа Эмила Ландовского. Естественно, между областной администрацией и мэром Э. Ландовским возник конфликт, но обе стороны были едины в местнических позициях, требовании федерализации Украины и стремлении к межэтническому миру.

Если первые перемены произошли в 1990 г., то вторым переходным этапом стали губернаторские выборы 1994 г. Вызов областной администрации, находившейся под контролем местной элиты старого поколения, бросил молодой адвокат Виктор Бедь, возглавлявший в период национально-демократической революции (1988-1991) областную организацию НРУ, а в 1994 г. вставший во главе областного отделения Христианско-демократической партии Украины. К тому же, с 1990 г. он был депутатом Верховного Совета Украины.

Местная элита заявила, что В. Бедь является олицетворением украинского национал-шовинизма галицийского толка, и со своей стороны выдвинула кандидатом в губернаторы от правящей «партии» молодого выходца из интеллигенции, вице-губернатора Сергея Устича. На парламентских выборах в марте 1994 г., пробуя силы перед губернаторскими выборами, В. Бедь потерпел поражение в первом туре, а С. Устич легко победил в родном Иршавском избирательном округе. И на губернаторских выборах С. Устич обошел В. Бедя. На выборах мэра областной столицы Ужгорода областная элита также выступила против национально-демократической группировки, поддержав бизнесмена Сергея Ратушняка. С. Ратушняк одержал убедительную победу, и на время между элитами области и областного центра сложилась своего рода «картель».

2.2. Начало конфликта между областью и областной столицей (1994-1996)

Закарпатье со сплоченной элитой и экономикой, ориентированной на экспорт ресурсов (леса и минеральной воды), располагало благоприятными условиями для формирования патримонии, и губернатор С. Устич создал патримонию старого поколения. В противовес этому мэр С. Ратушняк сформировал патримонию нового поколения. Он превратил свою группу предприятий «РИО» в корпоративное объединение, куда обязаны были войти городские предприниматели. Городские финансы слились с теневым капиталом. Тем не менее, до 1996 г. ситуация не выходила за рамки часто наблюдаемой и в России, и в Украине и описанной в данной работе на примере Одесской области – борьбы между областью и ее столицей (чисто внутриобластная политика). Однако если в Одессе конфликт такого рода развивался автономно до 1998 г., когда после выборов в него внезапно вмешался Л. Кучма, то в Закарпатье автономность региональной политики благодаря созданию альянса областной элиты с киевским капиталом как бы разрушалась более последовательно.

2.3. Обострение противостояния и активизация отношений между уровнями партийных систем (1997-1998)

Как уже отмечалось, с 1990 г. до выборов 1994 г. политическое противостояние в основном происходило по оси «местный – чужак». Как чужаки заклеямили представителя компартии из Киева или национал-демократа якобы из соседней Галиции. В их неприятии были едины областная и ужгородская элита, консерваторы и реформаторы. В качестве представителей официальной партии действовали только чужаки национал-демократического толка, которые бросали вызов местной элите, а последняя защищалась, в полном объеме используя неофициальные связи, оставшиеся с коммунистических времен.

Однако в апреле 1997 г. ситуация изменилась коренным образом, когда на дополнительных выборах в Иршавском избирательном округе

(родном округе губернатора С. Устича) старая областная элита начала сотрудничать с новым киевским еврейским капиталом, т.е. с группой В. Медведчука СДПУ(о). Дело в том, что в 1995 г. в соответствии с конституционным соглашением президента и Верховного Совета губернатор С. Устич, став в полном смысле слова государственным чиновником, сложил с себя депутатский мандат, в результате чего образовалась вакансия по Иршавскому избирательному округу. Поскольку в 1994–1998 гг. избирательный закон строго требовал участия в выборах не менее 50% имеющих право голосовать для избрания депутата Верховного Совета, было сложно провести не только дополнительные, но даже и общие выборы. По этой причине выдвинувший свою кандидатуру на выборы 1994 г. в одном из киевских избирательных округов Виктор Медведчук, набрав голосов больше любого другого кандидата, не смог стать депутатом. Он искал избирательный округ «с голосами подешевле». Однако в отличие от номенклатурной элиты у новых предпринимателей (тем более, если он еврей) нет определенной избирательной базы. Чтобы получить вес в общегосударственной политике, совершенно необходима собственная база, электоральная вотчина. С другой стороны, для элиты бедной Закарпатской области связь с находившимся в зените своей карьеры В. Медведчуком и доступ к центральной политике представлялись полезными для лоббирования в Киеве своих интересов.

В. Медведчук потратил огромную сумму в этом захолустном иршавском избирательном округе (например, организовал футбольные матчи, названные «Благодарность Закарпатью», собрав знаменитых по всей Украине звезд-футболистов), в результате чего приобрел должное место депутата Верховного Совета Украины, получив 94% голосов! Таким образом, закарпатская патримония старого поколения превратилась в гибридный режим с участием пришедшего извне представителя нового поколения и к тому же обзавелась общенациональными связями.

Представлявший интересы местного капитала клан ужгородского мэра С. Ратушняка резко противился этому, и политическое противостояние в Закарпатье перешло с оси «местный – чужак» на ось «областная администрация, связанная с киевским капиталом, – интересы местного капитала, представляемого ужгородской мэрией». Чисто внутриобластная политика перешла в общегосударственную политику внутри области. Как и в Одесской области, областная администрация нача-

ла кампанию «Ратушняк – преступник». Подобно Э. Гурвицу, бизнесмен С. Ратушняк оказался не слишком удароустойчивым.

Как и в Одесской области, решающим моментом борьбы стали прошедшие в марте 1998 г. выборы депутатов Верховного Совета Украины, областных, городских советов и мэров городов. Мэр С. Ратушняк, добиваясь перевыборов на тот же пост, одновременно выдвинул свою кандидатуру в Верховный Совет. В. Медведчук и областная администрация заручились поддержкой близких к Л. Кучме политиков из центра, а сторонники мэра пригласили в область руководителей оппозиционных Л. Кучме партий (СПУ, СПДУ – партии Буздугана, «Громады» и т.д.). Таким образом, выборы в Закарпатье превратились в классическую пробу сил перед президентскими выборами следующего года (в отличие от Одесской области, в которой даже во время выборов 1998 г. противостояние губернатора и столичного мэра осталось в рамках чисто внутрирегиональной политики).

Выступая против поднявшего знамя СДПУ(о) альянса Медведчука-Устича, клан С. Ратушняка создал предвыборный блок «Новые Карпаты» и выдвинул своих кандидатов не только в Ужгороде, но и по всей области. Таким образом, активизировалось взаимодействие между партийными системами общегосударственного, областного и городского уровней, а вслед за этим и формирование официальных партий. Если на проходивших в области за 4 года до этого выборах губернатора и мэра Ужгорода только претенденты (национал-демократы) выступали как официальная партия, а оборонявшаяся сторона опиралась на неформальные связи (то есть имела место типичная для посткоммунистических процессов картина), то в 1998 г. правящая партия также выступала как партия официальная.

Одновременные выборы 29 марта не изменили патовую ситуацию в закарпатской политике. На выборах в Верховный Совет имя С. Ратушняка утром в день голосования под различными предложениями было вычеркнуто из избирательных бюллетеней. СДПУ(о) получила в Закарпатье 31,2% голосов по спискам пропорционального округа. Эта же партия стала первой в областном совете. Напротив, на выборах мэра Ужгорода С. Ратушняк одержал убедительную победу, набрав в 7 раз больше голосов, чем его ближайший соперник.

Чтобы выйти из тупиковой ситуации, альянс Медведчук-Устич резко усилил кампанию «Ратушняк – преступник». Вскоре после выборов

мэра С. Ратушняк сбежал за границу и в конце концов оставил свой пост. Готовясь в повторным выборам в сентябре 1998 г., объединенным социал-демократам удалось вбить клин в стан С. Ратушняка и выдвинуть своим кандидатом Степана Сембела, вице-мэра у С. Ратушняка. С. Сембел в конце концов отвернулся от своего бывшего шефа С. Ратушняка так же, как губернатор Днепропетровской области Н. Швец и председатель облсовета Э. Дубинин отказались от своего покровителя П. Лазаренко, которому навесили ярлык преступника. С. Сембел победил соперника – преемника С. Ратушняка с небольшим отрывом. Стоит отметить тактичность СДПУ(о), которая всего через полгода после убедительной победы С. Ратушняка осуществила крайне конкурентные выборы мэра и сломала сопротивление местного капитала. Одновременно с этим, превратив Закарпатскую область в свою электоральную вотчину и использовав этот политический капитал, В. Медведчук вытеснил старое центральное руководство СДПУ(о) и возглавил партию сам, сделал ее пропрезидентской.

***2.4. Нормализация положения
при губернаторе В. Бароге
и региональном лидере СДПУ(о)
И. Ризаке (1999-)***

Таким образом, политический кризис в Закарпатской области (1997-1998) разрешился выгодным для Л. Кучмы образом. Областная организация СДПУ(о) развивалась как партия власти, и было совершенно очевидно, что область станет опорой Л. Кучмы на очередных президентских выборах. Тем не менее, Л. Кучма был недоволен губернатором С. Устичем, не раз дававшим повод для нападок местного капитала. С. Устич, сознавая, что попал в черный список Л. Кучмы, сразу после выборов в Верховный Совет 1998 г. получил руководство областной организацией крупнейшей в Закарпатье СДПУ(о) из рук ее лидера Э. Ландовского (мэра Ужгорода в 1990-1994 гг.). Став, таким образом, организатором электората для Л. Кучмы, С. Устич продлил свою политическую жизнь еще на год, однако в мае 1999 г. Л. Кучма все же

уволил его и выдвинул молодого мэра второго города области Мукачева Виктора Барогу (1963 г.р.). В. Барога – бизнесмен, в 1998 г. едва выиграл на выборах мэра. Вопреки всем законам он принял предложение Л. Кучмы при условии, что, став губернатором, сохранит за собой и пост мэра.

Назначенный послом в Чехию С. Устич оставил пост руководителя областной организации СДПУ(о), который отошел к вице-губернатору Ивану Ризаку, отвечавшему до этого за оргработу СДПУ(о) в области и способствовавшему триумфальному шествию партии. Таким образом, во главе государственных и партийных структур Закарпатской области встали молодые, до 40 лет, руководители. Как уже отмечалось, эта область показала на президентских выборах четвертый (после трех областей Галиции) в пользу Л. Кучмы результат.

3. Донецкая область

Донецкая область, лежащая в низовьях Дона, отсчитывает свою историю с XVI в., с поселения в на донских берегах волжских татар, русских и украинцев. Уже в XVIII в. здесь были открыты запасы угля, а во второй половине XIX в. благодаря английскому капиталу была заложена база для тяжелой промышленности. В 1932 г. была образована Сталинская область (в 1961 г. она получила современное название), основную территорию которой занимал Донбасс. Постоянный приток поселенцев способствовал формированию в этой области своеобразной интернациональной культуры. На момент переписи 1989 г. население области составляло 5 млн 310 тыс. человек, то есть десятую часть населения Украины. Урбанизация превысила 90%. Из четырех областей, рассматриваемых в данной работе, здесь больше всего русских – 47% населения, украинцев – 51 %, на третьем месте – греки (84 тыс. человек¹).

¹ Христофоров А. Донецкая область: общий обзор / Кимитака Мацузато (ред.) // Региони України: хроніка та керівники: Occasional Papers on Regional/Subregional Politics in Post-Communist Countries. № 4. Sapporo, 1996. С. 13-16; Grigory Nemiriia. Regionalism: An Underestimated Dimension of State-Building in Ukraine // Occasional Papers on Changes in the Slavic-Eurasian World. № 8. Sapporo, 1996; Большая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1972. С. 440; Итоги всесоюзной... С. 44.

3.1. Эпоха Ю. Смирнова (1990-1994)

В феврале 1990 г., в разгар проходивших подобных цунами шахтерских забастовок ушел в отставку первый секретарь обкома партии Анатолий Винник, занявший эту должность только в 1988 г. За освободившееся место боролись второй секретарь Евгений Миронов и секретарь Петр Симоненко, который будет основным соперником Л. Кучмы на президентских выборах 1999 г. В соответствии со стандартным продвижением кадров первым секретарем был назначен Е. Миронов. Однако фактическим руководителем области стал предшественник Е. Миронова на посту второго секретаря (т.е. занимавший более высокое место на партийной лестнице), с августа 1989 г. – председатель облисполкома Юрий Смирнов (1939 г. р., выходец из парторганизации города Артемовска в Луганской области). В апреле 1990 г. избранный председателем облсовета Ю. Смирнов сразу же привел на должность председателя облисполкома своего сторонника Владимира Шелудченко. В конце 1990 г. Ю. Смирнов вернул себе должность председателя облисполкома на основании республиканского закона о местном самоуправлении. В 1992 г. Президент Л. Кравчук назначил Ю. Смирнова своим представителем по области.

Известно, что в 1992-1993 гг. в Донецкой области были широко распространены требования о предоставлении региону автономии, а также о придании равного статуса русскому и украинскому языкам. Эту тенденцию поддерживал председатель облсовета с 1992 г. Вадим Чупрун¹. В трудных условиях представитель президента Ю. Смирнов сумел удержать ситуацию, балансируя между Киевом и облсоветом (именно поэтому Киев мирился с его довольно самостоятельной позицией), но из-за этого его популярность и в народе, и среди элиты упала. Областной элите нужен был губернатор, свободный от прошлых партийных уз, который отстаивал бы интересы области, руководитель нового поколения наподобие В. Щербаня. Поняв, что ему не победить, в 1994 г. Ю. Смирнов даже не выставил свою кандидатуру на губернаторских выборах.

¹ В. Чупрун, решивший, что время работает на него, в 1994 г. выставил свою кандидатуру на губернаторских выборах, но в первом туре он занял только третье место и во второй тур не прошел.

3.2. Эпоха В. Щербаня (1994-1996), усиление автономии

Победивший на выборах 1994 г. Владимир Щербань (1950 г. р.) в 1976 г. окончил Донецкий институт торговли, а затем сделал карьеру, работая на различных торговых предприятиях. На демократических выборах 1990 г. он был избран депутатом Донецкого горсовета и занял влиятельное место в городской политике (впоследствии стал вице-мэром). В марте 1994 г. перед выборами губернатора он стал депутатом Верховного Совета Украины. В отличие от Э. Гурвица в Одессе, В. Щербань имел хорошие отношения со старшим поколением элиты, которое поддержало его на губернаторских выборах 1994 г. Это означало, что и областные СМИ полностью поддержали В. Щербаня, и во втором туре он получил 61,1% голосов, одержав замечательную победу.

Широкая поддержка В. Щербаня объяснялась ожиданиями населения, связанными не только с возрождением экономики и улучшением жизни, но и с надеждой на то, что он поднимет статус Донецкой области, понизившийся после энергетического кризиса в последний период существования СССР. Статья в местной газете «Донетчина» предсказала последующее развитие событий: «...для кабинета министров «донецкие звезды» просто смертельны со своей антиноменклатурной экономикой. Есть еще днепропетровский клан металлургов и оборонников, которому тем более это не нужно... Поэтому Донецк попытаются притормозить... Через месяц после выборов началось «домашнее Ватерлоо» со Звягельским Е. (бывшим исполняющим обязанности премьер-министра Украины. Он – выходец из Донецка, поэтому – «домашнее Ватерлоо». – К.М.)... Удары еще не по В. Щербаню и Ко, но уже рядом».

В январе 1996 г. губернатор В. Щербань возглавил Либеральную партию Украины. Это также должно было повысить его собственный вес и вес области в общегосударственном масштабе накануне предстоявших через два года выборов в Верховный Совет Украины. Действительно, по крайней мере до раскола партии в 1998 г. и переезда В. Щербаня в Сумы (он был назначен губернатором Сумской области) в 1999 г. ЛПУ пользовалась широкой поддержкой донецких предпринимателей, интеллигенции и служащих.

Ахиллесовой пятой донецкой экономики была угольная промышленность. Начавшиеся в 1996 г. задержки зарплаты вызывали частые

забастовки шахтеров. В. Щербань открыто требовал у министра угольной промышленности передать шахты в подчинение областной администрации, если он не может найти средства на модернизацию предприятий, но это требование не было выполнено. Кроме этого, В. Щербань добивался для Донецкой области большей финансовой самостоятельности и начал налаживать экономические связи за рубежом через голову Киева. Подобные вещи стали типичными для федеративной России, но в Украине с ее унитарным устройством такие действия назначенного губернатора были отходом от нормы и вызвали напряженность в отношениях В. Щербаня с Киевом.

Утверждение в Киеве власти днепропетровской группировки, то есть установление (10 июля 1996 г.) правительства П. Лазаренко привело к свержению администрации В. Щербаня. На следующей неделе после утверждения Верховным Советом Украины П. Лазаренко на посту премьера были уволены начальник управления госбезопасности Украины по Донецкой области Чумак и прокурор донецкой области Васильев. Затем, 16 июля было совершено покушение (так это интерпретировалось) на П. Лазаренко, прибывшего в аэропорт Борисполь, чтобы лететь в Донецк. На следующий день об этом инциденте сообщалось в увязке с трудовыми конфликтами в Донецке, и В. Щербаня тут же сняли с должности.

3.3. Эпоха Пономарева-Полякова, или оккупационное правление представителей Днепропетровска (1996-1997)

Вместо В. Щербаня Киев назначил губернатором Донецкой области министра угольной промышленности Сергея Полякова (1953 г.р.). Хотя С. Поляков – уроженец Донецкой области (в свое время он был первым секретарем горкома партии в г. Торезе), это назначение было оскорблением для ее населения. Ведь проблемы в области возникли из-за того, что этот человек не смог найти выход из кризиса угольной промышленности. Местные газеты вспомнили, что еще в 1976 г. после захвата власти УССР днепропетровской группировкой первый удар был нанесен по донецкому руководству. В тот

год одним из первых действий Щербицкого, ставшего первым секретарем ЦК КПУ, было освобождение от должности первого секретаря донецкого обкома КПУ.

Потерявший губернаторский пост В. Щербань остался только председателем областного совета, но в ноябре 1996 г. он отказался и с этой должности, аргументируя это своим желанием ликвидировать повод для ненужной конфронтации между облсоветом и государственной администрацией области. Тем не менее, В. Щербань оставался депутатом Верховного Совета Украины, одним из богатейших людей области и главой ЛПУ.

Сменивший В. Щербаня С. Поляков менее чем через год после этого (в мае 1997 г.) был отправлен в отставку. Это было связано с противостоянием между его покровителем П. Лазаренко и Л.Кучмой. Ушедший от власти С. Поляков возглавил донецкую областную организацию «Громады» (партии П. Лазаренко) и на выборах в Верховный Совет Украины 1998 г. обеспечил ей 2,7% голосов в области.

3.4. Эпоха В. Януковича (1997-): стабилизация патримонии нового поколения и восстановление автономии Донетчины

После С. Полякова губернатором стал Виктор Янукович (1950 г.р.). Он всю жизнь проработал на транспорте и дорос до должности генерального директора областного территориального объединения автомобильного транспорта. В 1996 г. после назначения С. Полякова губернатором он стал вице-губернатором, а затем и первым вице-губернатором. Занимаясь по воле П. Лазаренко политическими задачами, С. Поляков был склонен поручать управленческую работу В. Януковичу, и вице-губернатор В. Янукович получил в области известность как хороший хозяйственник. Поэтому когда выбор Л. Кучмы пал на него, это показалось естественным. В. Янукович последовательно строил патримонию нового поколения. Вокруг него собирались влиятельные люди, такие как бывший премьер Украины Е. Звягильский, мэр Донецка Рыбак, бывший областной прокурор Васильев. Готовясь к президентским выборам, В. Янукович

создал поддерживавшую Л. Кучму организацию «Единство, согласие, возрождение» и обеспечил ее вхождение в состав предвыборного блока Л. Кучмы «Злагода» (Согласие).

В мае 1999 г. губернатор В. Янукович после (вынужденной?) отставки председателя облсовета Ивана Пономарева занял и эту должность, хотя это совмещение совершенно незаконно. Прежде всего оно было расценено как укрепление режима в русле подготовки к перевыборам Л. Кучмы (поскольку облсовет имеет большие полномочия по формированию облзбиркома). Кроме того, В. Януковича привлекало то, что облсовет получил большое влияние на формирование органов управления «особой экономической зоны», создаваемой в Донецкой области согласно закону, принятому Верховным Советом Украины в декабре 1998 г. Немаловажно и то, что в отличие от губернатора, которого президент может уволить в любое время, председатель облсовета мог быть спокоен за свою судьбу по крайней мере до местных выборов 2002 г.

Стабилизация режима В. Януковича сильно изменила политическую обстановку в Донецке в преддверии президентских выборов. В области, традиционно являвшейся оплотом левых, Л. Кучма хотя и уступил П. Симоненко в первом туре¹, но во втором туре добился преимущества более чем в 10% голосов².

4. Днепропетровская область

Днепропетровская область была образована в 1932 г. в центральной части бывшей Екатеринославской губернии. Екатеринославская губерния после завоевания ее у османских турок в эпоху императрицы Екатерины была житницей Европы, а после того как в 1884 г. была открыта железная дорога Донбасс – Кривой Рог здесь стала развиваться и тяжелая промышленность, в основном металлургия. По переписи 1989 г. население области составляло 3 млн 870 тыс. человек, из них 2 млн 770 тыс. украинцев и 940 тыс. русских³.

¹ Л.Д. Кучма получил в свою поддержку 31,96% голосов, П.Н. Симоненко – 39,40%; среди остальных кандидатов: Н.М. Витренко – 11,51%, А.А. Мороз – 6,30% голосов.

² Л. Кучма получил 53% голосов, П. Симоненко – 41,2%.

³ Итоги всесоюзной... С. 38; Большая советская... С. 365-366.

4.1. Эпоха Н. Задоя (1988-1992)

Если в Одесской области в период демократических выборов 1990 г. в советы сменилось руководство областной парторганизации и на этой основе едва реализовалась линия Горбачева на совмещение должностей (избрание Р. Боделана председателем облсовета), то Днепропетровская область – единственная из упомянутых в данной работе, где первый секретарь обкома КПУ со времени перестройки (Николай Задоя) был выбран председателем облсовета. Можно сказать, она шла наиболее консервативным путем. Однако Н. Задоя вскоре оставил партработу, и в соответствии с законом УССР о местном самоуправлении в январе 1991 г. занял и должность председателя облисполкома. Несмотря на сочувственное отношение к августовскому путчу, Н. Задоя пережил 1991 г., но накануне введения института представителей президента в феврале 1992 г. ушел в отставку. Даже будучи в политическом отношении консерватором в своей готовности к конфронтации с Киевом ради интересов области Н. Задоя следовал традициям днепропетровского руководства.

4.2. Эпоха П. Лазаренко (1992-1995), усиление автономии

То, что 23 марта 1992 г. Л. Кучма назначил представителем президента (губернатором) зампреда облисполкома (отвечавшего за вопросы сельского хозяйства) Павла Лазаренко, удивило жителей области. Родившийся в 1953 г. П. Лазаренко после окончания Днепропетровского сельскохозяйственного института всю жизнь занимался сельским хозяйством и считался неудачной кандидатурой в руководители такой промышленной области, как Днепропетровская. Более того, у Л. Кучмы был более подходящий выбор – тогдашний мэр г. Днепропетровска, а впоследствии премьер Украины Валерий Пустовойтенко. В марте того же года Днепропетровский горсовет критиковал экономическую политику облсовета и облисполкома и принял резолюцию, рекомендующую своего мэра на должность представителя президента.

Сразу после избрания П. Лазаренко стал укреплять свой авторитет твердыми экономическими действиями, например, в трудных условиях

он открыл метро в Днепропетровске. Бывший в то время председателем облсовета старый партийный бюрократ Виктор Богатыр (1936 г.р.) поддерживал смелые инициативы П. Лазаренко. Подобно тому, как донецкая элита приняла и поддержала В. Щербаня, днепропетровская элита приветствовала молодого руководителя в лице П. Лазаренко. В 1994 г. П. Лазаренко с поразительными результатами (набрав 93,2% голосов) победил на выборах в Верховный Совет Украины и в первом туре голосования на выборах губернатора получил 81,5% голосов. Однако он проработал губернатором области только год с небольшим. Пятого сентября 1995 г. тогдашний премьер-министр Евгений Марчук, убедив Л. Кучму, пригласил П. Лазаренко в Киев в качестве вице-преьера. В июле следующего года П. Лазаренко был назначен премьером¹.

4.3. Преемник П. Лазаренко – Н. Деркач (1995-1997)

Будучи премьером, П. Лазаренко ввел украинскую экономику в более или менее стабильное русло, это продолжалось до кризиса 1998 г. С другой стороны, проявились личные качества П. Лазаренко – расставовку кадров он осуществлял по принципу личной симпатии, расцвела коррупция, при формировании бюджета на 1997 г. он использовал нечистоплотные методы и т. д. Второго июля 1997 г. Л. Кучма освободил П. Лазаренко «по собственному желанию», хотя через полгода он пожалел, что формулировка была не «за злоупотребление служебным положением».

Всего через 20 дней после отставки П. Лазаренко вступил в «Громаду» и сделал ее своей личной партией. На прошедшем в сентябре того же года партийном съезде «Громада» ясно определилась как оппозиционная Л. Кучме партия и даже избрала свой «теневого кабинет».

Находясь в Киеве, П. Лазаренко не упустил должности председателя днепропетровского облсовета. На губернаторском посту пре-

¹ В это время в Верховном Совете Украины (число депутатов – 450) за назначение П. Лазаренко премьером проголосовали 344 депутата. В поддержку этого решения было подано на 23 голоса больше, чем за проект конституции Украины. Таким образом, это голосование стало рекордным в истории парламента независимой Украины.

емником П. Лазаренко стал один из его заместителей финансист Николай Деркач (1949 г. р.). Н. Деркач продолжил активную экономическую политику П. Лазаренко, но будучи технократом, а не политиком, за два с половиной года пребывания на посту губернатора так и не сформировал свою собственную команду и продолжал оставаться наместником, преданным П. Лазаренко. Когда, потеряв пост премьера, П. Лазаренко вернулся в Днепропетровскую область председателем облсовета, почти на всех должностях в руководстве областной, районных и городских администраций оставались назначенные им ранее люди, и все влиятельные областные газеты – «Днепровская правда», «Наш город», «Заря» – остались пролазаренковскими. Однако он и этим не удовлетворился и потребовал восстановления системы управления, существовавшей в 1994-1995 гг., т.е. совмещения на основе всенародных выборов постов губернатора и председателя облсовета. Разумеется, П. Лазаренко знал, что при всенародных выборах никто, кроме него, не победит.

4.4. Эпоха Забара-Лазаренко (1997-1998), обострение борьбы с Киевом

Поскольку в момент отставки П. Лазаренко Л. Кучма не предвидел, что они вступят в жесткую борьбу, он не пытался во что бы то ни стало подчинить себе Днепропетровскую область. В сентябре 1997 г. губернатор Н. Деркач был «по собственному желанию» понижен до должности вице-губернатора, ответственного за финансы, а на его место был назначен заместитель министра машиностроения Украины Виктор Забара. В. Забара родился в 1947 г., работал в металлургии, а с 1989 г. занимал чиновничьи должности в сфере экономики в Днепропетровской области. В. Забара потребовал от облсовета, возглавляемого П. Лазаренко, передать государственной областной администрации контроль за имуществом¹. Тогда же в попытке нанести удар по избирательной машине П. Лазаренко при областной администрации был со-

¹ Впоследствии на это стали претендовать и другие областные администрации Украины, и такая передача была включена в президентский проект закона о местной государственной администрации, обсуждавшийся в 1998-1999 гг.

здан «Координационный центр гражданского контроля за цивилизованным проведением выборов». То, что губернатору приходилось создавать организации, больше подходящие оппозиционным силам, объясняется сложившимся в области в то время соотношением сил между группировками П. Лазаренко и Л. Кучмы. Но, так или иначе, губернатор В. Забара пытался подорвать обе опоры господства П. Лазаренко – патримонический контроль за имуществом и выборную машину. Заняв пост губернатора, В. Забара уволил почти пятую часть сотрудников администрации, многие из которых, по его собственному признанию, «впоследствии перешли в структуры облсовета».

«Цивилизованный» и мягкий стиль руководства В. Забары не изменил политическую ситуацию в области. То, что на выборах 1998 г. в Верховный Совет Украины «Громада» набрала в Днепропетровской области 35,3% голосов избирателей, положило конец политической карьере В. Забары. Еще одним голосованием, на котором П. Лазаренко одержал колоссальную победу, был референдум по вопросу выборности руководителей органов власти (он не имел обязательной силы): 59,2% голосовавших поддержали идею совмещения должностей и всенародной выборности губернатора области и председателя облсовета, 24,8% высказались в пользу избрания губернатора на сессии облсовета (системы каунсила) и только 16% избирателей поддержали действующую систему назначения губернаторов президентом.

4.5. Оккупационный режим А. Мигдеева (1998-1999)

Сразу после мартовских выборов и референдума, в апреле В. Забара был снят, и Л. Кучма произвел более откровенно политизированное назначение. Он назначил губернатором Александра Мигдеева – всего лишь одного из руководителей обласной дирекции АКБ «Укрсоцбанк». Главная причина такого выбора очевидна: А. Мигдеев был подчиненным Л. Кучмы в период работы на Южмаше. Первым испытанием для нового губернатора стали выборы председателя только что сформированного областного совета. Здесь А. Мигдеев поддержал также выходца с Южмаша Ю.Бирюкова, работавшего заместителем начальника финансового управления областной админи-

страции. В России и в Украине часто бывает, что губернаторы продвигают на должность председателя областного представительного органа своего человека. Однако обычно это люди ранга вице-губернатора, что является минимально необходимым проявлением вежливости по отношению к законодательным органам. Ю. Бирюков проиграл кандидату от «Громады» Эдуарду Дубинину с соотношением голосов 11 против 51. Таким образом, клан П. Лазаренко опять продемонстрировал свою силу.

Перед лицом болезненного поражения Киев прибег к банальному способу – усилил судебное преследование П. Лазаренко. В декабре 1998 г. П. Лазаренко был задержан в Швейцарии по обвинению в отмывании денег. Семнадцатого февраля следующего, 1999 г. Верховный Совет Украины по представлению генерального прокурора Украины в конце концов лишил П. Лазаренко депутатской неприкосновенности. За это проголосовало 310 депутатов. Девятнадцатого февраля П. Лазаренко арестовали в вашингтонском аэропорту за нарушение паспортного режима.

4.6. Формирование режима Н. Швеца – примирение Л. Кучмы и областной элиты (1999-)

Параллельно с этими событиями в Украине повсеместно развернулась кампания «Лазаренко – преступник». Днепропетровскую элиту заставили задуматься. С другой стороны, Л. Кучма понимал, что ему не изменить политические настроения в области, и, манипулируя вышедшими с Южмаша мелкими политиками, 27 апреля 1999 г. назначил губернатором Николая Швеца, который будучи еще в 1994 г. выбран мэром Днепропетровска завоевал репутацию способного хозяйственника. Разумеется, Н. Швец в свое время победил в г. Днепропетровске потому, что пользовался поддержкой П. Лазаренко, но обстоятельства изменились. Кроме того, к этому времени П. Лазаренко был покинут и его подручным, председателем облсовета Э. Дубининым, который встал на сторону Л. Кучмы.

Опираясь на мощную поддержку Киева, Н. Швец улучшил экономическое положение области и, заявив, что «нельзя быть хорошим хо-

зайтвенником, оставаясь в стороне от политики», вошел в состав руководства предвыборного блока Л. Кучмы «Злагода» (Согласие), где занялся активной предвыборной деятельностью. Она увенчалась успехом, и во втором туре голосования по выборам президента Л. Кучма показал в Днепропетровской области высокий результат, набрав 57% голосов.

Заключение

Между президентскими выборами 1994 и 1999 г. электоральная география Украины сильно изменилась. Исчезло противостояние между Востоком и Западом в поведении избирателей при голосовании, «красный пояс» сместился с Востока в центральную часть (за исключением города Киева и Киевской области)¹. Чем можно объяснить эти изменения, кроме ослабления противостояния по линии Восток-Запад, произошедшего благодаря тому, что независимость Украины стала свершившимся фактом и был найден неприятный, но приемлемый для большинства населения баланс сил между де-юре «единственно государственным» украинским языком и де-факто преобладающим русским языком? С материалистической точки зрения это якобы объясняется тем, что в гигантских восточных областях продвинулись реформы, следовательно, население стало жить несколько лучше и стремиться к сохранению существующего положения. Однако в условиях, когда широкий слой электората не вкусил плодов реформ, такое объяснение не проходит.

Суть в том, что в гигантских индустриальных восточных и южных областях была создана мощная электоральная машина, основанная на региональной патримонии и работающая на Л. Кучму. Именно этого не смогла сделать достойная сожаления слабая элита Житомирской и Черниговской областей. По своим ресурсам элита Закарпатья не сильно отличалась от Житомирской и Черниговской, однако при посредничестве группы В. Медведчука СДПУ(о) она смогла импортировать средства и «ноу-хау» и сформировать региональную патримонию.

¹ О «красном поясе» в центральной Украине см.: Matsuzato K. All Kuchma's Men: The Reshuffling of Ukrainian Governors and the Presidential Election of 1999 // Post-Soviet Geography and Economics. 2001. Vol. 42. № 6. С. 416-439.

Насколько в этом процессе формирования патримонии были переплетены старое и новое поколения? В реформистских и прагматичных с точки зрения экономической политики Донецкой и Днепропетровской областях еще в первой половине 1990-х годов произошел мягкий переход руководства от старого к новому поколению. Общим областям требовались молодые энергичные лидеры, которые могли сказать «нет» Киеву. В Закарпатской области во второй половине 1990-х годов наблюдалось «переплетение», так как старое поколение, чтобы выжить, вступило в альянс с новым поколением из Киева, и против этого альянса выступило местническое молодое поколение Ужгорода. Противоположная ситуация была в наиболее открытой внешнему миру Одесской области, где молодое поколение вытеснили из областной и областной столичной политики, а править продолжает старое поколение, подчиняющееся Л. Кучме.

Если сравнить региональную политику Л. Кучмы и Б. Ельцина, то можно заметить, что в Украине сменяемость губернаторов гораздо выше, чем в 1991-1996 гг. в России, когда там действовала система назначения губернаторов. Не стоит судить только по данной работе, в которой приведены примеры успеха региональной патримонии, то есть успеха региональной политики Л. Кучмы, но в целом можно сказать, что региональная политика Л. Кучмы превосходит политику Б. Ельцина в этой области. Несмотря на то, что в 1999 г. экономическое положение Украины было гораздо сложнее, чем России в 1996 г., «чудо Л. Кучмы» 1999 г. было даже ярче, чем «чудо Б. Ельцина» 1996 г. Если отвлечься от того, что украинская политическая культура авторитарнее, чем российская, и поэтому украинский электорат более покладистый, то невозможно объяснить этот парадокс не чем иным, как тем, что политика Л. Кучмы в отношении региональных элит оказалась более результативной, чем ельцинская. Воздействие, которое произвели на президентские и губернаторские выборы в России в 1996 г. спешные увольнения некоторых непопулярных губернаторов и вмешательство президентской администрации в дела регионов накануне этих выборов, оказалось «фифти-фифти» (т.е. в половине случаев было успешным, а в половине – нет). Частые отставки губернаторов, практикуемые Л. Кучмой, с точки зрения самосохранения власти давали гораздо более позитивный результат (конечно, с точки зрения блага народа – другой разговор).

Возможно, 27 регионов – это оптимальное количество для того, чтобы центр мог держать ситуацию в них под контролем. Если учесть, что Римская империя постоянно сталкивалась с трудностями, управляя примерно 40 провинциями, то 89 регионов Российской Федерации – это, очевидно, слишком¹. С другой стороны, как считают поверхностные наблюдатели за «общеукраинской» политикой, если бы до президентских выборов 1999 г. политика в Украине развивалась в форме двухполюсной пространственной конфронтации «Запад против Востока», то над самой государственностью Украины давно нависла бы опасность раскола. Однако на самом деле в Украине существуют и взаимодействуют с Киевом не 2 макрорегиона, а 27 регионов. Киев может использовать в своих интересах соперничество между Донецком и Днепропетровском (оба – на Востоке), равно как и тормозить рост сил Руха, пользуясь антипатией, которую испытывает Закарпатье к Галиции (оба – на Западе). Такая ситуация вполне благоприятствует Л. Кучме.

С другой стороны, данная работа доказала, что несмотря на различия между федеральной Россией и унитарной Украиной политика и Б. Ельцина, и Л. Кучмы в отношении регионов претерпела одинаковую эволюцию. В результате провала «твердой» политики в регионах президентская сторона остро осознала, что полуоккупационные режимы вроде С. Полякова в Донецкой и А. Мигдеева в Днепропетровской областях не работают должным образом, и если не следовать старой советской традиции сосуществования с региональной элитой, то можно подвергнуть опасности и собственную судьбу. В этом кроется причина того, что под внешним унитаризмом в Украине скрывается территориальная деконцентрация власти. Именно это смягчение позиции центра привело к стабилизации новой и старой патримонии в виде режимов С. Гриневецкого в Одесской области, СДПУ(о) в Закарпатской области, В. Януковича в Донецкой области, Н. Швеца в Днепропетровской области и тем самым способствовало созданию мощной электоральной машины для Л. Кучмы. Иначе говоря, раз Киев начинает проводить политику «Солнца» – умиротворения, то регионам трудно ей что-либо противо-

¹ После Аусграйха в Австро-Венгрии было 17 регионов, потому что Венгрия приняла унитарную систему государства и, следовательно, имела только два региона – собственно Венгрию и Славонию. Если бы Венгрия приняла федерализм, то количество земель империи было бы примерно таким же, как сейчас в Украине.

поставить, поскольку условие успеха региональной патримонии – ее финансовая и юридическая поддержка вышестоящей властью.

Возможно, именно в этом причина того, что украинская партийная система, хотя и в меньшей степени, чем российская, обнаруживает признаки, характерные для США второй половины XIX века, а именно «интеграцию единиц субнациональной политики на основе автономии чисто внутрирегиональной политики и превосходства общегосударственных проблем» (Х. Окаяма). То есть если на президентских выборах крупнейшей оппозиционной силой является компартия, то на время выборов элита сплачивается и запускает выборную машину на полные обороты, однако это вовсе не означает утраты автономии региональной политикой. Напротив, чтобы заручиться поддержкой со стороны региональных элит, Б. Ельцин и Л. Кучма не могли не гарантировать автономию чисто внутрирегиональной политики. Правда, Закарпатская область в отличие от трех остальных является сильно дотационной, и в ней более системно осуществлялась трансформация «чисто внутриобластной политики» в «общегосударственную политику внутри региона». Поэтому впредь, вероятно, автономия региональной политики здесь будет проявляться как максимум лишь в скрытой форме. Кроме того, в рассмотренных регионах наблюдается южный вариант американской партийной системы второй половины XIX века. То есть на общегосударственном уровне создается видимость конкурентной многопартийной системы в то время как на региональном уровне доминирует одна партия.

Выявлено также, что украинская система унитаризма и назначения губернаторов по иронии судьбы ведет к повышению статуса областных советов и органов самоуправления областных столиц. Это происходит потому, что губернаторы, ощущающие нестабильность в условиях системы назначения на эту должность, стремятся одновременно занять должность председателя областного совета или мэра крупного города (что немисливо в России). Такое совмещение абсолютно противозаконно, и необходимо отметить, что возможность существования этого беззакония свидетельствует о пребывании украинского законодательства в младенческом возрасте.

КОММЕНТАРИИ¹

*Нобуаки Сиокава,
профессор Токийского университета
(юридический факультет)*

В последнее время я сосредоточен на исследовании политических процессов в союзных республиках, происходивших во время перестройки в связи с общесоюзным политическим процессом. Хотя хронологические рамки моего исследования отличаются от тех, что используются в работах докладчиков, но концепция межполитических отношений представляет большой интерес и для меня.

О соотношении докладов Х. Окаяма и К. Мацузато

Диалог специалистов, занимающихся исследованием разных стран, весьма полезен и продуктивен. Его следует поддерживать. Однако об-

¹ Настоящая часть основана на устных комментариях профессора к сессии «Межправительственные отношения и формирование партийных систем: Пространственные факторы в посткоммунистической политике» (21 октября 2000 г.). Комментарии касались материалов, распространенных к сессии, и учтены при подготовке окончательных версий статей, включенных в настоящий сборник. Поэтому они иногда не соответствуют содержанию статей. Чтобы читатель ощутил дискуссию, состоявшуюся на сессии, мы решили опубликовать комментарии Н. Сиокава с минимальной редакцией. Авторы сборника признательны профессору Н. Сиокава за разрешение опубликовать его комментарии.

щие внешне концепции иногда бывают порождены сильно различающимися подходами.

Я разделяю критику Х. Окаяма традиционного узко управленческого и узко юридического подхода, связанного с понятием «межправительственные отношения» (отношения между органами власти и управления). Я сам в свое время критиковал подобный подход при анализе отношений между союзным центром и республиками СССР во время перестройки. Также убедительно предложенное доктором Х. Окаяма разделение двух факторов («политика местного масштаба» и «политика местного уровня»), которые традиционно смешивают и называют одним термином «местная политика». Однако Х. Окаяма нечетко представляет содержание вертикальных осей между уровнями политики, согласно его терминологии, осей «межполитических отношений».

В работе, посвященной Закарпатья¹, К. Мацузато выделяет три оси межполитических отношений: (1) межправительственные отношения, которые традиционно хорошо исследованы; (2) отношения между уровнями партийных систем и (3) неформальные отношения между элитой разных уровней. Мне кажется убедительным разделение между (1) и (2). Однако крайне трудно эмпирически доказать существование третьих, межэлитных неформальных отношений. На самом деле в упомянутой статье К. Мацузато удалось осветить только неформальные связи элиты одного уровня (в регионе или городе), а не между уровнями.

Учитывая сказанное выше, на вертикальном направлении рис.2, предложенного доктором Х. Окаяма, можно предположить существование двух осей, а именно межправительственной и внутривнутрипартийной (отношения между центральными партийными и местными органами), а в горизонтальное пространство рис.2 поместить взаимоотношения местных элит через разные каналы (местные партийные организации, органы местного самоуправления или даже неформальные элитные каналы).

Согласно К. Мацузато, два вида региональной политики – «чисто региональная политика» и «проявление общегосударственной политики в регионе» иногда сливаются, а иногда остаются разделенными. Мне кажется, что слияние/разделение этих двух видов региональной политики определяется не только взаимоотношениями с Центром, но и расстановкой региональной элиты.

¹ Matsuzato K. Elites and the Party System of Zakarpattia Oblast: Relations among Levels of Party Systems in Ukraine / Paper prepared for the VI ICCEES World Congress. Tampere, Finland, 29 July – 3 August 2000.

Х. Окаяма выделяет два вида региональной автономии («политика регионального масштаба» и «политика регионального уровня»), что представлено на рис.3. Однако он не проясняет, каким образом можно измерить уровень автономии.

Применяя в своей работе методику Х. Окаяма, К. Мацузато считает, что именно перемещение спорных пунктов из сферы «чисто региональной политики» в сферу «общегосударственной политики в регионе» есть признак потери политической автономности регионов. Однако мне представляется, что это понимание автономности в основном имеет в виду «политику регионального масштаба», а не «регионального уровня». Собственно говоря, автономность «политики регионального уровня», основанной, скорее всего, на конституционном устройстве страны, не может измениться так легко. В настоящем докладе и упомянутой статье «Закарпатье» К. Мацузато описывает ситуацию, когда чрезмерная автономность того или иного региона вызывает решительное вмешательство со стороны Центра, и в результате данный регион теряет автономность. Иначе говоря, К. Мацузато исследует конъюнктурное и временное увеличение/уменьшение автономности регионов в одной и той же институциональной и структурной обстановке, в то время как Х. Окаяма под автономностью имеет в виду долгосрочные и структурные факторы.

К. Мацузато утверждает, что сходство между политикой России и Украины, с одной стороны, и политикой США в 19 веке, с другой, заключается в том, что элита разных уровней сплачивается при вызове со стороны коммунистов во время президентских выборов (и таким образом осуществляется прочная интеграция субнациональных политик при превосходстве общегосударственных спорных пунктов), но это не означает потерю автономности регионами. Однако трудно найти весомый элемент в политике США в 19 веке, сравнимый с наличием КПРФ или КПУ.

Х. Окаяма, пытаясь определить место России в своей схеме, утверждает что она находится в квадранте II (рис. 3 Х. Окаямы). Но мне кажется более верным распространенное среди российских и зарубежных наблюдателей и политиков мнение, что Россия при Б. Ельцине находился в самом крайнем углу квадранта I, а при В. Путине она перемещается влево, но пока неясно, передвинулась ли Россия в квадрант II. Что касается Украины, которая является унитарным государ-

ством, то она, вероятно, находится в квадранте II. К. Мацузато отмечает, что политический режим в Украине является примером централизованного каскизма, который «внешне выступает как унитарный режим, а на деле представляет собой режим деконцентрации власти». Не означает ли это, что в Украине «политика регионального уровня» мало автономна, а «политика регионального масштаба» имеет высокий уровень автономности? При этом, как сказано выше, уровень автономности «политики регионального масштаба» может снизиться внезапно.

О докладе К. Мацузато

Основная идея доклада заключается в том, что «правящая группа элиты не испытывает сильного стимула к созданию официальных партий. Партии часто создаются, когда меньшинство элиты бросает вызов большинству или когда активизируются межполитические отношения». Нельзя не признать эту идею мудрой. Однако доктор К. Мацузато, спеша подчеркнуть новизну своего взгляда, иногда нарушает процедуру академической аргументации, которая требует начать от общепризнанных в науке тезисов, а затем перейти к выдвижению своего оригинального взгляда.

Во-первых, тезис о том, что правящая группа не находит нужным создавать официальные партийные структуры, можно отнести только к президентской системе. В случае же с парламентской системой он не правомочен. Могут возразить, что во всех странах бывшего СССР президентская система. Но это не совсем так. Эстония и Латвия, как известно, выбрали парламентский путь государственного строительства. Примечательно, что в Молдове после острого противостояния между президентом и парламентом последний победил и резко сократил полномочия президента в июле 2000 г. Это сильно отличается от того, что происходило в России, Украине, Беларуси и странах Центральной Азии.

Во-вторых, К. Мацузато игнорирует существование так называемых мировоззренческих партий. Вообще говоря, цементом партии служит либо идея-программа, либо материальные интересы. Партии отличаются друг от друга комбинацией этих двух факторов. Партии, в которых преобладают материальные интересы как источник солидарности

членов, а идея играет незначительную роль, можно назвать клановыми, или боссистскими. К. Мацузато обращает внимание только на такие партии. Правда, в посткоммунистических странах народу надоела идеология. На мой взгляд, сравнение посткоммунистических стран с США относительно оправданно, потому что политика США тоже достаточно деидеологизирована и в истории США влиятельных мировоззренческих партий не было никогда. Однако в мире большой редкостью являются страны, где, подобно США, среди более или менее влиятельных партий нет ни коммунистических, ни социал-демократических. Более того, в России существуют партии, такие как КПРФ и «Яблоко», в которых идеология играет более или менее важную роль. Методология К. Мацузато полезна для того, чтобы анализировать партии местных боссов, такие как «Единство», ОВР, НДР, НДПУ, СДПУ(о) и «Громада». Однако задача представления сбалансированной картины партийных систем России и Украины, состоящих не только из клановых, но и из мировоззренческих партий, остается нерешенной.

К. Мацузато критикует биполярное представление об украинской политике (восток – запад) и предлагает изучать конкретные политические процессы, происходящие в 27 регионах. Однако, как отмечает сам К. Мацузато, биполярное понимание украинской политики было связано с остро идеологизированной политической ситуацией в Украине в первой половине 1990-х годов. Эта идеологизированность была естественна для того времени, когда не был ясен ответ на вопрос «куда идет Украина?»

Раздел по Одесской области доклада К. Мацузато особенно ценен: несмотря на то, что история и культура Одессы достаточно известны, современная политическая ситуация в этом городе изучена мало. Жаль, что К. Мацузато сосредоточился на взаимоотношениях между одесскими городскими и областными властями, а политическая ситуация в других городах и районах области не обрисована. В частности, меня интересует юго-западная часть области, которая принадлежала Румынии в межвоенный период. В 1940 г., когда СССР отвоевал Бессарабию у Румынии, нынешняя юго-западная часть одесской области присоединилась не к МССР, а к УССР. Вплоть до заключения Договора дружбы между Украиной и Румынией в 1997 г. Румыния претендовала на эту территорию. Не повлияло ли наличие в регионе спорной территории на политический процесс в Одесской области?

О докладе А. Магомедова

Не удивительно, что материал А. Магомедова наполнен живыми и реальными сведениями о двух регионах. Он дополняет и интегрирует ту фрагментарную информацию, которая имела у нас о Краснодарском крае и Ульяновской области. Примечателен анализ противостояния береговых и внутренних районов Кубани (это напоминает ситуацию в Одессе и Закарпатье), роли в политике казаков и своеобразной личности Н. Кондратенко.

У меня возникли небольшие вопросы. Н. Кондратенко, бывший председатель крайисполкома вернулся к власти. Тогда почему Иван Ползков, бывший первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС и впоследствии первый секретарь ЦК КП РСФСР не смог реабилитироваться хотя бы в региональном масштабе?

Н. Кондратенко напоминает курского губернатора А. Руцкого. В 1996 г., подобно Н. Кондратенко, А. Руцкой вернулся на олимп власти в образе пострадавшего от своеволия Б. Ельцина. Однако в конце 1999 г. он стал одним из основателей «Единства» и окончательно потерял оппозиционный настрой. Чем отличаются губернаторы, которые смогли сохранить свою оппозиционность, от их коллег (в том числе от Ю. Горячева), пришедших к власти с оппозиционными лозунгами, но быстро переменявших свои воззрения? На первый взгляд, странно, что Ульяновская область, которую раньше называли «русской Вандеей», превратилась в оплот партии власти, но это, скорее, естественный ход событий. Последовательную оппозиционность Краснодарского края следует считать исключительной.

Позволю себе сравнить Краснодарский край и Ульяновскую область на основе материала А. Магомедова.

Из этого можно извлечь критерии для сравнения российских регионов: 1) внутрирегиональная гомогенность/гетерогенность; 2) отношения между региональными и столичными властями; 3) адаптация элиты к гайдаровской революции; 4) геополитическое значение региона и 5) личность руководителя. Таким образом, доклад А. Магомедова очень содержателен с компаративистской точки зрения. Однако А. Магомедов не объясняет, какова иерархия между этими критериями, какой из пяти критериев самый важный.

	Краснодарский край	Ульяновская область
Территория	Крупная. Значительная внутренняя дифференциация	Компактная
Отношения между региональными властями и столицей (или самым влиятельным городом) региона	Постоянное соперничество	До 1996 г. региональная столица подчинялась области
Реакция на гайдаровскую революцию сверху	Задачи революции четко выполнены, что вызвало недовольство населения	Сопrotивляясь Е. Гайдару, горячевцы сами превратились в капиталистов, что впоследствии способствовало их примирению с федеральной партией власти
Геополитика	Регион находится в стратегически важном, напряженном месте. Приток ветеранов и бывших военных	В центре России. Нет стратегического напряжения
Личность руководителя	Н. Кондратенко	Ю. Горячев

В заключение хотелось выразить общее впечатление, которое вызывают три доклада. Непосредственно после распада СССР возникло много споров вокруг проблем о том, как построить демократическое общество, какая политическая сила облицетворяет демократию. Я жил и работал в России в 1999-2000 гг. и понимаю, что эпоха подобных абстрактных споров давно прошла. Ныне россияне относятся к политике трезво и спокойно. Доклады К. Мацузато и А. Магомедова отражают дух времени. Их сила – в реалистическом познании жизни. Однако я рискну подчеркнуть, что на основе реализма пора переосмысливать и роль идей.

Когда я жил в Москве, умерла Раиса Максимовна Горбачева. Москвичи отнеслись к смерти женщины, которая в свое время была крайне непопулярной, достаточно сочувственно. Непосредственно после распада СССР у людей было ощущение, что они обмануты в надеждах, которые испытывали лишь два-три года назад. Отсюда крайне жесткая оценка Горбачева. Пережив безрадостные десять лет, которые не дали ни надежды, ни идеи, ни романтизма, народ, как мне кажется, начал воспринимать время романтизма более взвешенно. Я не считаю продуктивным разделение идеи и реальности, пренебрежение идеями, которая мешает познанию реальной жизни, потому что сама идея есть один из реальных компонентов истории.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРЕОДОЛЕВАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНО-МЕСТНОЙ ДИХОТОМИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В МЕЖПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	7
Введение	7
1. Недостатки традиционной модели сегментированной внутренней политики	9
2. Межполитические отношения: два измерения, две автономии	13
3. Теоретическая модель межполитических отношений на примере российской федеративной системы	19
Заключение	22
ГЛАВА 2. МЕЖПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В НОВЕЙШЕЙ РОССИИ	23
Введение	23
1. Краснодарский край: расцвет и упадок «партии одного лидера»	26
1.1. Историко-культурные предпосылки кубанского консерватизма	27
1.2. 1991-1996 гг. на Кубани: «опричнизация» региона и упадок партийной политики	30
1.3. 1996-2000 гг.: губернаторство Н.Кондрагенко как «локальное геройство» и расцвет партийной политики	32
2. Ульяновская область: политический патронат и неформальные ресурсы взамен партийной политики	45
2.1. Ульяновский традиционализм и демократическая альтернатива: Ю. Горячев против «узлов интеллекта»	45

2.2. Губернаторские выборы 2000г.: продолжение инертных межполитических отношений Ульяновской области с Центром	53
Заключение	57

ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННАЯ ПАТРИМОНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В УКРАИНЕ – ОДЕССКАЯ, ЗАКАРПАТСКАЯ, ДОНЕЦКАЯ, ДНЕПРОПЕТРОВСКАЯ ОБЛАСТИ

Введение	61
1. Одесская область	73
1.1. Эпоха Р. Боделана (1990-1992).....	74
1.2. Эпоха Ильина-Боделана (1992-1994), мягкая автономия	74
1.3. Патримония поколения Р. Боделана и вызов одесского мэра, региональная политика автономна	75
1.4. Нормализация ситуации при губернаторе С. Гриневецком (1998-), вхождение в общегосударственную политику благодаря президентским выборам	78
2. Закарпатская область	79
2.1. Восстановление областной автономии и эпоха Волощука-Крайло (1990-1994)	80
2.2. Начало конфликта между областью и областной столицей (1994-1996).....	82
2.3. Обострение противостояния и активизация отношений между уровнями партийных систем (1997-1998).....	82
2.4. Нормализация положения при губернаторе В. Бароге и региональном лидере СДПУ(о) И. Ризаке (1999-)	85
3. Донецкая область	86
3.1. Эпоха Ю. Смирнова (1990-1994)	87
3.2. Эпоха В. Щербаня (1994-1996), усиление автономии	88
3.3. Эпоха Пономарева-Полякова, или оккупационное правление представителей Днепропетровска (1996-1997)	89
3.4. Эпоха В. Януковича (1997-): стабилизация патримонии нового поколения и восстановление автономии Донетчины	90
4. Днепропетровская область	91
4.1. Эпоха Н. Задон (1988-1992).....	92
4.2. Эпоха П. Лазаренко (1992-1995), усиление автономии	92
4.3. Преемник П. Лазаренко – Н. Деркач (1995-1997)	93

4.4. Эпоха Забара-Лазаренко (1997-1998), обострение борьбы с Киевом	94
4.5. Оккупационный режим А. Мигдеева (1998-1999)	95
4.6. Формирование режима Н. Швеца – примирение Л. Кучмы и областной элиты (1999-)	96
Заключение	97
КОММЕНТАРИИ НОБУАКИ СИОКАВА	101
О соотношении докладов Х. Окаяма и К. Мацузато	101
О докладе К. Мацузато	104
О докладе А. Магомедова	106

First Published 2001
Copyright 2001 by Slavic Research Center, Hokkaido University
Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060, Japan
All Rights Reserved

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
политологический подход

Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000

ББК 63.3(2)5
М36

ISBN 5-7525-0860-6

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Центра славянских исследований при университете Хоккайдо

Редактор И.Новикова
Верстка М.Гурин

ИПЦ «Издательство Уральского университета»
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
ЛР № 020257 от 22.11.96 г.

Подписано в печать 11.02.2001 г. Бумага офсетная. Гарнитура NT Times.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 400 экз. Формат Заказ №
Типография «Полиграфист», г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 20